

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

Рина ПРИЖИВОЙТ

**ДОЖДЁМ НЕУЗНАННЫМ
ПРОЛИТЬСЯ...**

Стихи и песни

Бишкек 2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(5Кир)-5
П 75

Рецензент

Б.Т. Койчуев, д-р филол. наук,
доцент КРСУ им. Б.Н. Ельцина

Литературный редактор и составитель

А. Зарифьян, канд. мед. наук, профессор,
декан медицинского факультета КРСУ им. Б.Н. Ельцина

В оформлении обложки использованы фотографии
из личного архива и акварель Р. Приживойт.

Приживойт Рина

П 75 Дождём неузнанным пролиться... Стихи и песни – Бишкек:
Изд-во КРСУ, 2022. – 268 с.

ISBN 978-9967-19-890-6

Перед вами абсолютная новинка в мире современной русской поэзии – первая книга стихов и песен Рины Приживойт, уроженки Кыргызстана, ныне живущей в России, филолога, известного журналиста, шеф-редактора независимой газеты. Три с половиной года она работала в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Кыргызской Республики в Австрии, Венгрии, Словакии, Чехии, Постоянного представителя КР в ОБСЕ, в нескольких филиалах ООН в Вене, а также в ОДКБ.

Главное же – она поэт по душевному складу и взгляду на мир, в чём читатели сами смогут убедиться.

Книга включает стихи, написанные в разные периоды, от дней студенческой юности по настоящее время.

Разнообразные по тематике, жанрам, манере письма, стихотворения Р. Приживойт, несомненно, найдут своих поклонников как в интернет-пространстве, так и среди старой читательской гвардии, предпочитающей гаджетам шелест страниц.

Важным продолжением собственной приживойтовской лирики является раздел переведённых ею стихов двух известных кыргызских поэтов.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(5Кир)-5
© ГОУВПО КРСУ, 2022
© Приживойт Р., 2022

ISBN 978-9967-19-890-6

*Стыжусь,
как незаконного занятья,
своих стихов.
А кто-то по себе,
быть может, их примерит,
словно платье,
подогнанное точно по судьбе.*

**НАВЕРНО,
ЭТО СОН
(1967–1999)**

* * *

Начало сентября. Осенний день
Рождается неброско и прозрачно.
Вот ястреба стремительная тень
Расчерчивает землю за Рыбачьим¹.

И так высок и светел свод небес,
Так величавы и суровы горы,
Что кажется, жизнь состоится без
Потерь и неминуемого горя.

¹ Рыбачье, ныне Балыкчи – город, расположенный на северном берегу западной оконечности озера Иссык-Куль.

* * *

Ветер небо продраил песком и солёной водою
Вплоть до самой высокой, прозрачной, прекрасной звезды.
И теперь звёздный свет непрерывно, как в небо другое,
Входит иглами в душу чернильной озёрной воды.

Так нечаянна тишь в этом мире шальных ураганов.
Гор стоглавая цепь его сон до утра сторожит.
Почему ты не спишь и зачем вспоминаешь всё заново?
И горячечный свет сигареты в ночи безмятежной дрожит...

* * *

Сошла с ума Ассоль – чему поверила!
Откуда сила в хрупком стебельке?
Кольцо тепло светилося на руке
И разбегалось бликами по дереву...

Скажи, Ассоль, наверно, это сон?
В заботах ты его почти не помнишь.
Лишь по ночам о чём-то тихо стонешь,
Светлея юным горестным лицом.

И вновь летишь к нему – глаза в глаза,
Минуя слепо пыльные задворки.
И вновь во тьме нетопленной каморки
Фонтаном алым плещут паруса...

* * *

А.Н.

Зима. Январь.
Полночным светом
Полны холодные сады.
Не в дом ведут твои следы –
Из дома. Плачу не об этом.

Ранима. Ранена. Жила
Надеждой выжить, отогреться.
И дочку прижимала к сердцу.
Она согрела. И спасла.

* * *

Для другой стихи писал ты,
Для другой теперь живёшь.
Знал, что ранишь, да не знал ты,
Что любовь мою убьёшь.

Нет, не ревность хищной птицей
Исклевала грудь дотла.
Непрочитанной страницей
Я в руках твоих была.

Уж потом прочёл, заметил.
Поздно, милый, верь – не верь.
На подушке – горсткой пепел.
Сжёг живьём.
Не плачь теперь.

* * *

Той, первую из нелюбимых жён,
из преданных мужьями юных женщин
был план судьбы моей старательно очерчен
и в общих очертаньях предрешён.
Я не ропщу. Такой удел извечен:
протест смешон, а жизни чистый смысл
надолго искажён и искалечен.

* * *

Ты знала, что несёт с собой
декабрь прозрачный и печальный,
когда ты в платьишке венчальном
венчалась с нынешней судьбой.

Ещё друзья в кругу поют,
ещё никто не замечает,
как сквознячок беды качает
неустоявшийся уют.

И до разлуки много зим,
но тень её уже над нами
неслышно повела крылами
и растворилась, словно дым...

Теперь смотрю через года
в лицо, слезами залитое,
и говорю: не плачь, не стоит.
любовь – провидица всегда.

Ведь знала, что несёт с собой
декабрь прозрачный и печальный,
когда ты в платьишке венчальном
венчалась с собственной судьбой.

* * *

Как демоны ночные, на ветвях
Вопят вороны. В зябком полумраке
Их тени проступают, словно знаки
В полуистёртых старых письменах.

Дотла осенний бешеный пожар
Обуглил кроны, сжёг под корень травы,
Чтобы теперь орущие оравы
Во тьме морозной ёжились, дрожа.

А ночь – свежа. В её мерцанье мгlistом,
В сырых туманах, скрывших звёзд игру,
Продрог ноябрь, разут, раздет, расхристан.
И скрючились вороны на ветру.

* * *

Уходит тепло.

Моя песенка спета.

Последний этюд ненаглядного лета,
что сыгран на грани звучанья и цвета,
заброшен в углу на подрамнике где-то.

Лишь киноварь с охрой – прощание с летом –
горят на холсте между мраком и светом.

* * *

*Ире Чаловой,
Ире и Вите Крысенко,
Серёже Кубареву*

Подхожу к сентябрю, как к реке,
Где вода ледяная и белая.
Журавля длинноногого беглого
Удержать не умею в руке.

Да и что за корысть журавлю
В невесёлой, встревоженной женщине?
Остаётся всё меньше и меньше мне
Видеть тех, кого так я люблю. ...

Всё гляжу, безнадёжность тая,
В молодые прекрасные лица.
На ладони затихла синица.
Эта птица уж точно моя.

* * *

Самолёттик, ворча и картавя,
в чёрном небе тянул борозду.
Борозда выходила кривая:
огибала живую звезду.

И на пашне ночной прорастали
светлой мелочи звёздной ростки.
Расцветали, на землю слетали
Мимо жаждущей чуда руки...

* * *

Чужое всё – и улицы, и лица.
Гостиница. Хромой сверчок в углу.
Ну чем я бедолаге помогу –
вот разве хлебной крошкой поделиться?

А он со мной поделится тоской,
укрывшись за отодранной доской,
устало волоча больную ногу,
в душе разбудит странную тревогу
и песенки мотив негородской
подарит на обратную дорогу.

* * *

На лицах всех, как тяжкий грех,
печати ставит одиночество.
Сбылось печальное пророчество:
мы болью искупаем смех.

Мир затопило, залило,
заполонило одиночество.
Его, как горькое вино,
пьют те, кому и пить не хочется.

И я – то каплями цежу,
то пью вздох, глотками-спазмами.
Себя не утешаю сказками
и на судьбу не ворожу.

* * *

Ну когда же, когда этот снег
выдаст зимнюю форму одежды,
поостудит шальные надежды,
даст бессонным покой и ночлег?

Больше нет голосов и звонков.
Этот город необитаем,
даже если сравнится с Китаем
по количеству едоков.

И теперь на минуту одну
тишина отступить не хочет.
Но влетает в мою тишину
дочкин смех, как цветной колокольчик.

* * *

*Моим друзьям Жоре и Янису
на маршруте Фрунзе – Рига*

Что за блажь – после Крайнего Севера
к чёрту в пекло, в калёный песок?
На «Иже», на воробышке стреляном
марш-бросок, тысяч пять на глазок.

Там с ума посходили термометры
от липучей июльской жары.
Фаренгейту не хватит шкалы.
Мать вздыхает: «Ну хоть бы не померли!

Кой им бес не сиделось при бабах,
не тянулось пивко поутру?»
...Скачет синий «Иж» на ухабах,
как взбесившийся кенгуру.

Где-то рядом дожди выпадали,
только все они мимо вас.
А на Волге хлеба выгорали,
млел гигантским мангалом Кавказ.

Лишь когда замаячила Рига,
снизошла на вас благодать:
стал дождём, как крестом, осенять
ваши спины небесный расстрига.

И двулик, как божественный Янус,
ваш кортеж, двухголовый кентавр.
В руль вписался торжественный Янис,
сзади Жорик, красивый, как мавр.

Я бессонно курю на балконе.
Сigaretка, в ночи мигни.
Так у чёрной дороги в ладони
Частым пульсом сигналият огни...

* * *

Мой друг в степи костёр разжёл,
а друг его сварил чаёк.
Я представляю ясно:
вдвоём сидят, в огонь глядят,
их ждать назад напрасно.

Луна господствует в ночи,
сверчок сиротствует, кричит,
а ветер, как собака,
скулит и воет, и рычит
на ясный свет из мрака.

Мне дым костра глаза не ест,
так почему не спится здесь,
за сотни вёрст от дыма?
За них боюсь, в ночи молюсь:
вернитесь невредимы!

* * *

Я не умела быть счастливой.
Теперь уже не научиться.
А как бы славно – изловчиться
и стать желанной и красивой!

О, Господи, как время мчится...
Стирает старые страницы
и пишет вновь, и вновь стирает
в гроссбухе лет. И примеряет
печаль к душе, морщины к лицам.
Рассудок с мыслью примиряет,
что никому не возродиться,
что ничему не возвратиться
и кто теряет, тот теряет.

* * *

Предчувствовать осень в июле –
не правда ли, глупость?
В размашисто-щедром разгуле
предчувствовать скупость.

И в кронах, дождём осенённых,
увидеть остовы,
а в первых свиданьях влюблённых –
разлуки основы.

Но в том-то и дело, что осень,
разлука – суть плата
за всё, что принять довелось нам
от счастья, от сада.

Так чем же душе расплатиться
за всё, что имеет:
за дочку, за строчку, за птицу –
ужели сумеет?

За взгляд твой, весёлый и рыжий,
за то, что не вместе,
за то, что в разлуке мы ближе –
без лести, без мести...

За полосованье ногами
красы снегопада,
за колесованье ночами
в бессоннице ада –

не знаю, смогу ли сквитаться,
смирясь с наукой:
за май декабрём рассчитаться,
за встречу – разлукой.

* * *

Сверчок вышивает
по бархату ночи
нехитрый узор –
то длинней, то короче
выходит строка...

Пацан беспризорный,
оторвыш бездомный,
от песни твоей беспардонной –
тоска...
Пока не усну,
проверяю глазами,
что стало во тьме с небесами.
Слизали
в оконном проёме звезду облака.
Пока не умру,
я вам друг – амулетом
служить обязуюсь,
как нынешним летом,
от бед охраню –
вот рука!

* * *

За шуточку: «А я тебя люблю!»
плачу монетой той же, отвечаю
по правилам игры. Озорничаю
и нежность изначальную гублю.

Другие так внимательно-остры:
зачтут любое прегрешенье речи.
Острее всех глаза твоей сестры.
Всерьёз при ней – не может быть и речи.

Она кружит тревожно над тобой,
Ей в каждой шутке чудится угроза.
Жест нежности жестоко, как с мороза,
ей кожу жжёт – не жест уже, разбой.

Я притаюсь. Я притворюсь немой
и растворюсь дымком от сигареты.
Расстанусь без печали – ты не мой,
я не твоя. Чего грустить об этом?

А ночью боль, напав из-за угла,
по сердцу полоснёт, лишит покоя.
И это есть последствие такое
той нежности, что душу обожгла.

* * *

Браконьерствую я в незнакомом лесу.
Незаконно охочусь, несу на весу
немудрёную ловчую снасть.
Вот силок, вот манок, вот бечёвки моток,
вот фонарь, чтоб во тьме не пропасть.

Как над пропастью, вдруг затаилась душа.
Над тобою, уснувшим, стою, не дыша.
Понимаю, что всё это зря:
здесь бессилён силок, здесь беззвучен манок
и безумна затея моя.

Ты в своём простодушном предутреннем сне
не предчувствуешь зла, улыбаешься мне.
Что ж я медлю? Отличный прицел.
Ни любить, ни забыть, ни курок надавить
не могу.
Уходи, пока цел...

* * *

Не судьба –
это, в общем-то, тоже судьба:
черновой вариант
без надежды на встречу.
Но с невинным апломбом невежды замечу,
что смешных опасений основа слаба,

ибо карты в июле ещё предсказали
нам свиданье, печаль и ночной разговор.
С коих пор чёрный ворон орёт приговор:
«Невермор! Невермор!» – не задобришь слезами.

Пусть живу неприкаянно,
жду безнадежно,
пусть на карту поставлено всё до гроша:
между «невероятно» и «очень возможно»
на гигантских качелях летает душа.

* * *

Боже, как мы похожи с ним –
родные, как нож и кровь!
Таинство разбираю вновь,
и каждый знак объясним.

Вот этот лёгкий плеча изгиб –
как раз для его руки.
Молитва, чтобы в горах не погиб, –
как раз для моей тоски.

Злая шутка моя – как раз
для белых его зубов.
Но притворяется каждый из нас,
что это ещё не любовь.

Стисну губы. Нельзя кричать.
Глаза, как сухая зола.
Да, я умею теперь молчать:
чтоб на него не накликать зла,
душу молчком сожгла.

* * *

Наши жизни сошлись по касательной.
Знаю, рядом их не удержать.
Мне судьба, чтоб своё доказать,
преподносит урок показательный:

– Для твоей ненасытной души
нет реальности, кроме фантазии.
Понастроила миражи,
как надежд этажи,
от Европы до Азии,
хоть поставь их, хоть положи,
просто сущее безобразие!

Ты хотела того, чего нет,
В грош не ставя обыденность.
Вот и вписана в ведомость видимость.
Распишись.
Ничего тебе нет.

* * *

Тревожная женщина с нежным лицом
меня вознесла – страшно вниз посмотреть.
Не будет романа с удачным концом:
Мне – пить от тоски, ей – от горя стареть.

В иконы не гожд. В спину нож – не могу.
Я женщину эту молю: отступись!
Смеётся она: опоздал, откупись!
А я перед этой любовью в долгу,

Да гол как сокол, нечем счёт оплатить.
Не верит. Смеётся, светлея лицом.
Ну как мне её уберечь, убедить:
не будет романа с удачным концом.

* * *

Нелюбимого не удерживала,
а любимого не удержать.
Я тебя мятежного, грешного
к самолёту приду провожать.

Скоро вступит разлука в права.
Я тебя ни в чём не виню.
Все отчаянные слова
на счастливые заменю.

Знали цену свиданью каждому,
знали, что впереди не года.
Ты да я, дурачки отважные,
не отважились – навсегда.

Вот на судьбы разлуки печать
ставит в кассе «Аэрофлот».
Только б в голос не закричать,
провожая твой самолёт.

* * *

Как праздник,
я буду помнить это лето.
«Sic transit...», –
сказали древние однажды.

Подразнит
тщета воспоминаний светлых.

Погаснет
любовь, не утоливши жажды.

Неужто
вдвоём с тобой на пепелище
Вчерашних
своих надежд опять столкнёмся?
– Не нужно.
Не плачь, – ты скажешь мне. – Я лишний.
Я – рыжий.
Давай над этим посмеёмся.

Довольно.
К чертям приевшиеся маски!
Как розно
нам жить в пустыне друг без друга?
Да больно.
А в лицах – ни кровинки краски.
Да поздно.
Она надолго, эта мука...

* * *

«Не возвращайтесь
к былым возлюбленным.
Былых возлюбленных на свете нет...»

Андрей Вознесенский

Он тихо, отрешённо говорит,
От прошлого не отрывая взгляда:
– Что так светло?
...Там свет в окне горит
в квартире, в глубине ночного сада.

Тогда ладонь подносит он к глазам,
чтобы детали различить яснее.
Там стол накрыт. Там, за столом, он сам
и женщина. Он ужинает с нею.

Она не сводит глаз с него. Следит,
за каждым жестом, голосу внимает.
Вот он вино в бокале поднимает,
смеётся, курит, на неё глядит.

Как в чёрно-белом медленном кино,
она к нему протягивает руки...
Он там, в окне, не знает о разлуке.
Он – за окном – в разлуке с ней давно.

Переиграть былое невозможно.
И, зная всё, что ждёт их впереди,
Того себя он просит безнадёжно:
– Не уходи ещё... не уходи!

* * *

Там скрипочку старик терзал,
там дева в облаках витала...
Там иудеев полный зал
глазел на выставку Шагала.

Там дико бляяла коза,
младенца грудью мать кормила.
Там на полотнах бирюза
в ультрамарин переходила.

Предел вечерней синевы
пронзал закат лучом горячим...
И сердце становилось зрячим
от близкой боли и любви.

* * *

Какие мужчины глядели в глаза!
А я за тобою пошла, как слепая,
по краю обрыва надменно ступая,
не зная запретов – над ними и за.

Я всеми законами пренебрегла.
Забылась, в рискованные игры играя.
Влюблённых всегда изгоняют из рая,
но я взбунтовалась и рай прокляла.

Татарская гордость – делиться не стану
тобою ни с кем. Закушу удила,
и – вскачь по степи, пока жить не устану,
пока не догонит лихая стрела.

* * *

Орда не достигла далёкой земли,
и кони, кровавой покрытые пеной,
звеня стременами по краю Вселенной,
копытом страны не коснулись нетленной –
храпя, повернули на юг, в ковыли.

Быть может, прабабка бежала из плена
и, заплакав слёзы у тихой реки,
потомкам дала азиатские гены –
от этого скулы твои высоки,
и кровь горяча, и улыбка надменна

А, впрочем, о чём я, какая Орда?
Беда, если с вымыслом сладу не будет.
Кипящую кровь расстоянье остудит.
Чужой, светлоглазый меня позабудет.
Я тоже не вспомню его никогда...

* * *

Я тебя коплю, как скупой копит пятаки,
чтобы было чем жить во весь одинокий путь.
Вот подушка с отпечатком твоей щеки,
вот почти на грани серебряно стынет ртуть.

Так уснул, словно сирий птенец, без сил.
Спал нечутко, по-детски доверясь мне.
И такой тревожный ветер в доме сквозил,
и деревья белым-белы светились в окне.

И такая нежность с горечью пополам
мне омыла душу, и стала она чиста,
будто я помолиться ночью ходила в храм
и прощение вымолила у Христа.

* * *

Вот такую – уставшую и одичалую –
взял за плечи и вывел к последней любви.
И надеждой на счастье ещё небывалое
растворился в моей крови.

И такая печаль, и такое смятение,
что не верится даже самой –
как в отчаянно позднее это цветение
перед долгой полярной зимой.

Пусть судьба мне предъявит безумный счёт,
оплачу, не останусь в долгу.
Может, завтра я сердцем к тебе прикоснусь ещё –
если выжить до завтра смогу.

* * *

Глаза цыганские, слова шаманские,
от колдовства кружится голова.
Ох, будет худо мне,
ох, будет люто мне,
но почему-то мне всё трын-трава.

Такая выпала на долю пагуба,
обезоружила и в плен взяла.
Земля качается,
как будто палуба,
а ночка тёмная от звёзд светла.

И нет мне выхода, и нет спасения.
Наворожили карты мне беду.
А я с улыбочкой,
без опасения
по краю пропасти к нему иду.

* * *

Он из руин меня извлёк,
 мой ясноглазый археолог,
с чудесной нежностью ко всем,
 кто до него на свете жил.
Но он выбрасывать не стал
 нелепой древности осколок,
а улыбнулся и меня
 в карман нагрудный положил.

И сердцем он в меня стучит,
 а я от счастья тихо таю,
насквозь пронизана теплом
 в его кармане на груди.
И невозможных этих дней
 минуту каждую считаю,
мгновенье каждое прошу –
 не торопись, не проходи!

Но, непривычная к теплу,
 я раскрошусь в его кармане.
Придётся вытряхнуть ему
 меня сочувственной рукой.
Но только чтоб, избави Бог,
 не начал, как в плохом романе,
меня по крошкам собирать с надеждой
 кто-нибудь другой.

* * *

Книги мы читали одни и те же –
значит, думали об одном и том же.
И теперь, когда совпадают тексты,
у меня счастливый мороз по коже...

* * *

Эта сердца маета
сна лишает, разум застит.
Ну, конечно, я не та,
что нужна ему для счастья.
Всё отдам, что накоплю,
кинь на картах мне, вещунья.
Или я его люблю,
или просто полнолуние?

А чавэла с похмела
хриплым басом зачастила:
– Ты, сестра, невесела.
Много в жизни ты грустила.
Не старайся, не присушишь.
Твой король чужой, сестра.
Обожжёт тебе он душу –
будет боль, как нож, остра.

Баста, чёрная, не каркай!
Не боюсь, хоть ты права.
А душа – её не жалко.
Что душа? Её не жалко.
Пусть болит, пока жива.

* * *

Боюсь любви нашествия,
как в старину погрома,
но с нежностью отчаянной
иду к тебе в полон.
Весь вечер безответственно
мотается по дому
за мной щенком покорным
телефон.

Он свесил уши чёрные,
он смотрит виновато,
как будто понимает, что
сегодня он в долгу.
А я ни на минуту
с ним расстаться не могу –
вдруг, на бегу, сейчас ты
позвонишь из автомата...

* * *

Сгинут время, расстоянье.
мы останемся одни.
И бенгальские огни
разожжёт в крови желанье.

Обними. К губам прильни.
Побледней от ласки шалой.
Царской милостью пожалуй –
от усталости усни.

* * *

Непонятные мы с тобой:
любим так, что в глазах темно.
В странной распре оба с судьбой,
горькой, как худое вино.

Дождь январский стучит в окно.
Быть бы снегу, да всё одно.
Я слепая и ты слепой.
Вот такое у нас кино.

Мы бросаем в землю зерно,
занимаемся молотью.
Хлеб печём каждый вечер, но
непригоден он быть едой.

Соль с водой, да мука с бедой.
Серебрятся виски слюдой.
Я седая и ты седой.
Вот такое у нас кино.

* * *

Дверь затвори. Я не вернусь.
Проходит всё. Прошло и это.
Так было: солнце, море света,
звнящее от счастья лето.
Сегодня снег.
Ну, здравствуй, грусть!

Прости. До капли отдала,
что для тебя душа копила.
Я помню всё, как это было:
любила так – в жару знобило.
Я не забыла.
Я прошла.

* * *

Гордыня опять загнала
в тиски одиночества злого.
И в доме ни смеха, ни слова
и нет сигаретам числа.
Душа приучается снова
жить тем, что судьба припасла.
А эта планида сурова.

Чем хуже, тем лучше. Ношу
наряды свои, как награды,
и воздухом стылым дышу,
летающим из снежного сада.
И вдруг в сердцевине разлада
гармонию я нахожу.
Мне помощи больше не надо.
Не жду.
Не боюсь.
Не прошу.

* * *

Чем жить?
Впереди стена да пустырь.
Ни света душе, ни воли уму.
В боль свою спрячусь, как в монастырь,
дам обет и схиму приму.
Свечку в чёрном зажгу углу,
где Бог на иконе с чужим лицом.
И памяти острой вгоню иглу –
прямо в сердце.
И дело с концом.

* * *

Две сигареты, горящих во тьме.
Две наших жизни в едином мгновенье.
Праздник души равен сбою в уме:
неразрешимое уравнение.

Искренность – бедный удел чудаков,
женщин нервозных да малых детишек.
Не напасёшься счастливых подков,
если вокруг несчастливых излишек.

Ты мне не веришь, да что за беда!
Я и сама лишь предчувствиям верю.
Не торопись говорить «никогда» –
вдруг у Фортуны подарок за дверью...

* * *

Мне нежность некуда девать.
Я завела себе кота.
Мечта наивна и проста:
пусть ночью вспрыгнет на кровать,
мурлыкнет в ухо
к усладе слуха.

Я отличилась...

Его поглажу меж ушей.
Наловит кот себе мышей –
простых, летучих,
ну самых лучших.
А нет – так я его взашей.

Не получилось...

Простых здесь не было покоя –
им не пробраться на балкон,
тех не достать из-за окон.

Я огорчилась...

Он мяса требует, гурман,
дерёт когтями мой диван,
пуст холодильник и карман.

Я ополчилась...

И, позабыв свою мечту,
бегу из дома в суету.
А нежность стравливать коту
не наловчилась.

* * *

Так долго поезда ожидала,
но села, конечно, не в тот.
Хотя почти стопроцентно знала:
он никуда не идёт.
А путешествие в тёплые страны –
это с другого пути
и не для меня. Как же это странно:
поезд свой не найти...

Всю жизнь садиться не в те вагоны,
стаивать лёд с окна.
И делать вид, что в толпе перронной
тоже кому-то нужна.
А если нет – понадменной брови,
и мимо, с прямой спиной.
Чёрт с ней, с несбыточной той любовью.
И с поездом. И со мной.

Ещё, быть может, душа рванётся
бесстрашно, не по годам,
Пока в динамиках не взорвётся:
«Пора на выход, мадам!»
Ну что ж, пальто запахну потуже,
сигареткою вниз светя,
сойду наружу в темень и стужу
в точке небытия.

Теперь путешествие в тёплые страны –
это как раз для меня.
И ветер залижет бывшие раны,
снегом сухим звеня.

* * *

Днём полегче, а к ночи крепчает беда.
Мне бессонница тонкие сети сплетает.
И тоска подступает, как к горлу вода,
где твоё отраженье в тот миг обитает.
А потом за окном понемногу светает.

Год проходит с той осени, сад облетает.
Снова ворон на крыше кричит: «Никогда!»
и листву ворошит, и покоя не знает.
Снег не тает, такие стоят холода.
И с тех пор за окном у меня не светает.

Это – жизнь без тебя. Не хочу. Не могу.
Не смирилась ещё, да, как видно, придётся.
Одиночество ночью молчком подкрадётся.
И, у нашего прошлого в долгом долгу,
позову, но твой голос не отзовется.

И однажды душа у тебя оборвется:
ты поймёшь, что уже на другом берегу,
там, где ты мне не лжёшь, где тебе я не лгу,
там, где слёзы не душат и память не жжётся,
я травую забвенья всхожу на лугу.
Позовёшь, но мой голос не отзовется.

* * *

Мы сжигаем себя дотла
сигаретой, работой, болью.
И любовью... всегда – любовью.
Чтоб потом не прах, а зола
оставалась для послесловья.

**ВЕНСКИЙ
ЗАМКНУТЫЙ
КРУГ
(2006–2008)**

* * *

Как только наступает ночь,
в моём саду слышны шаги.
Не бойтесь, это ёжики
гуляют по траве.
Как только наступает день,
под ёлку уползает тень,
долбит упрямый дятел пень
до звона в голове.

И снова наступает ночь.
Цветы смежают лепестки:
им спать мешают фонари
и свет в моём окне.
Как только наступает ночь,
я погибаю от тоски,
наверно, потому, что я
одна в чужой стране.

Детей здесь нет и нет друзей,
собаки нет и кошки нет.
А ёжик в щёку не лизнёт
и лапу не даёт.
Одна среди планеты всей
в окне пунктирный вижу след,
который чертит среди звёзд
ничейный самолёт.

* * *

О, Господи, прости за то, что торопила:
– Мне нужен лишь покой, не счастье, не любовь.
Ты знаки подавал, но я не отступила.
– Ну, что ж, – сказал, – возьми... И я ошиблась вновь.

По-прежнему, как кошка на чужом чердаке,
живу в стране красивой, как подарок.
Не то что журавля – синицы нет в руке,
а в прошлом – череда ошибок да помарок.

Быть сильной научил – за то спасибо, Боже!
Иначе как спастись, как вырастить дитя?
Но не ожесточил – за то спасибо тоже
сегодня говорю, скажу и уходя.

Июньский день цветёт, в окно грозой стучится.
Гадаем: нечет-чёт, судьбу узнать хотим.
Но лучше жизни в жизни ничего не случится.
И хуже – ничего. А дальше – поглядим.

* * *

Оба мы – одинокие волки
поседевшей серебряной масти.
И, как водится между волков,
рвёмся рёбрами мы из оков,
загоняя под кожу осколки
давней, нелепой надежды на счастье.

Помнишь сон? Он ведь сбылся, твой сон.
Поспешили расставить все точки,
обмануть попытались судьбу,
удержать, как мешок на горбу.
Только дышать не дано в унисон
душам усталым. Они одиночки.

* * *

Веер мне подарили. Испанский веер.
Трепетный, томный ветер цвета корриды:
красное с чёрным золотом перевиты.
Только на что мне этот бесценный веер,
если тореадоры мои убиты?!

Надо представить какой-нибудь древний дворик –
мы же не знаем, где их там поселили.
Пьют потихоньку, и Янису шепчет Жорик:
– Ян, на фига ей веер-то подарили?
Лучше бы дали баллончик или топорик,

или фонарик... Фламенко она не пляшет.
Вечером, даже дома, дрожит от страха.
Ей бы для пользы дела была наваха –
ножик такой, им в драке обычно машут
в старых испанских фильмах лихие махо.

– Жорка, она, ж, наверное, постарела.
Смертью нелепой мы оплатили кредиты.
Даже поэму мою забыла, смотрит сердито.
Помнишь, как нам она под гитару пела?
Правда, зачем ей веер, если мы у неё убиты...

* * *

Так Янис возлюбил Гомера,
что в доме стало не до шуток:
Гекзаметром он, для примера,
чесал однажды двое суток.

Ну и осточертел, конечно.
Кто в силах вынести такое?
С утра гекзаметр кромешный
без перерыва и покоя.

Ему Гомер служил бикфордом.
В мозгу коснувшись некой точки,
заставил в упоенье гордом
низать классические строчки.

Мы с дочкою в кино сбежали.
Домой вернулись – там всё то же:
оне на койке возлежали,
стихи неслись из гордой рожи.

И за столом – опять туда же.
Есть не могла, швырнула вилку.
На миг очнувшись, прозой даже,
пробормотал:
– Послушай, Ринка,
первый раз вижу,
чтобы культурный человек,
учёный филолог, до такой степени
ненавидел гекзаметры...

* * *

*Маме моей,
Марии Васильевне Салахутдиновой*

Мама любила глобальный мир – в целом свете.
Но, поскольку сама росла когда-то в детдоме,
не понимала, что есть ещё нечто, кроме,
как накормить, одеть, когда одолели дети.

И что для мира в семье нужно с нами петь песни,
строить замки из глины, шить кукол, ходить в походы.
Какие там песни... в отцы нам дали уroda,
и мама билась одна – хоть умри, хоть тресни.

Позже, оставшись со мной, она вспоминала:
Холод, война, дети с хохлушкой-няней.
После работы пятнадцать верст – для свиданий
с дочками. Ночью. Одна. И никак не светало.

Волки её не съели, хотя голодали, как люди, –
не было в селах уже ни овец, ни куриц.
Нечем измерить, как этот путь был труден.
Мама бредёт домой, козью ножку курит...

Господи, как мы жили – в долгах и в дырах.
Был наш отец ловец ощущений острых.
Маму вожжами бил, говорили сёстры,
и уезжал, забросив нас, бедных, сирых...

Всех подняла. Может, книги её спасали.
Каждой минутой чтения дорожила.
Всем нам служила, пока не порвала жилы:
стенокардию в карту врачи вписали.

Снятся мне сны, что скоро увижусь с мамой.
Может, успею ещё написать все строчки –
те, что придут, до самой прощальной точки.
А не успею, так это не будет драмой.

В ноги ей упаду: за всё нас прости, родная!
Выла я зверем, когда её выносили.
Значит, услышала и подарила силы.
Их до сих пор не вычерпала до дна я.

* * *

*Моей сестре
Розалии Угловской*

Маленькая старшая сестра
победила строгую столицу.
План имела с детства – поселиться
в вотчине Великого Петра.

Эту крошку храбрую гигант
мог носить, как ложку, за ботфортом.
Он бы разглядел в создание гордом
дух несокрушимый и талант.

Тот талант, что силы ей давал
дочь растить, горбатиться и верить:
день придёт, она откроет двери
в дом на Невском – не в гнилой подвал.

Столько лет галерного труда
в Заполярье гиблом, без подмоги,
строила она свою дорогу,
чтоб уж точно выбраться туда,
где мосты ажуром над Невой.
где соборов дивных панорама,
где жила в детдоме наша мама.
И дошла.
В Санкт-Петербург.
Домой.

* * *

Роза вела меня к маме в редакцию.
Двор зеленел одичалой травой.
Гуси дремали под жёлтой акацией.
Небо сквозь ветки лилось синевой.

Вдруг у тропинки заметила красное –
крошечно-яркое, пять лепестков.
Аленький! Цветик! Мечта моя страстная,
тайна, секретик из сказочных снов.

Жизнь малолетняя ахнула: вот оно
счастье моё! Я рванулась из рук.
Скучно сестре моей было и хлопотно.
Дёрнула больно – не зыркай вокруг.

Заголосила я звонко, отчаянно.
Вскрикнули гуси в тенистой глуши.
Мама меня обняла опечаленно,
вытерла слезы:
– Пойди поищи.

Разве найдёшь, если двор, как Вселенная.
Мелкой букашкой зарылась в траву..
Чудо исчезло по злому велению.
Может, и встречу ещё наяву...

* * *

Саше и Диме

Дочка и внук. Александра и Дмитрий.
Вечная боль моя и вина.
Девочка едкая, словно натрий.
Брызнет прицельно – скорее вытри,
Чтобы не выгорело до дна.

Умная, слабым – сестра милосердья.
Ожесточилась: одна да одна.
В юности было в ней столько веселья.
Так хохотали – до колик в предсердье.
В двадцать глядим – у неё седина.

Димка был мелкий, смешной, кошатник.
Вырос с коломенскую версту.
Хиппи – не хиппи. Битник – не битник.
Бьёт в барабаны – хоть на уши ватник –
наш музыкант на ударном посту.

Любят – не любят? Наверное... всё же...
Злятся, конечно: не так живу.
Мало забочусь. Сама – в грильяже.
Вечно в работе. Лезу из кожи,
но не для них. Всегда на плаву.

Ведь не попросишь, чтобы любили.
Кровь моя в них замолчала уже?
Жизнь на излёте просвищет, как пуля...
Из-за статей моих Сашу избили.
Гнёт этот горький горой на душе.

Трудно заснуть. Тяжелее – проснуться.
Прячусь в себя, как в окоп, как в нору.
Надо держаться и улыбаться.
Кисти пылятся. Книги не чтутся.
Ветки ночные дрожат на ветру.

* * *

Молитвой отводя беду
от близких, сон теряя, мучась,
подвержена суду, стыду,
я в личном маленьком аду
в любом наихудшем году
не прокляну судьбу и участь.

Тянуть обузы тяжкий воз,
и отвечать за всё на свете:
за то, что без вниманья дети,
за то, что рано пал мороз,
за то, что у подруг невроз,
за те события и за эти.

Теряя силы от утрат,
быть сильной, едкой, беспощадной.
весёлой, будто чёрт не брат.
Быть нагло руганью площадной
оболганной. Быть безлошадной,
бездомной столько лет подряд.

И каждый божий день глядеть
в провал зеркал. Руины прятать.
И размышлять, чего надеть,
и что пора бы похудеть,
и что себе не надо стряпать...
Втянуться в жизнь... помолодеть.

Взглянув в окно на белый свет,
пленившись дивным видом сада...
В работу рухнуть в клубах чада.
И вспомнить к вечеру, что надо
достать из шкафа старый плед
и спрятаться под ним от ада.

* * *

Стоит в саду холодный утренник –
один из гибельных, из первых.
Цветы, из побуждений внутренних,
цветут взахлёб, вразнос, на нервах.

Вьюны мельчают, а бегония
молочной белизной пленяет.
Настурция, назло агонии,
тон не меняет, не линяет.

Напялив шапочки крахмальные,
грибы внезапные явились –
такие дерзкие, нахальные,
как сырости каприз и милость.

А под орешинкой калеченной
(ей ветку сбили ураганы)
ко мне, сегодня первой встреченной,
орехи просятся в карманы.

Успеть бы так – в последней щедрости
всех наделить, всем поделиться
и на черту моей оседлости
дождём неузнанным пролиться.

Старый дом

Мы с дочкой к дому подошли.
Сюда её мы из роддома
недельной крохой принесли...
В заборе ветхом три пролома.
Дом – не лачуга дяди Тома,
но окна в метре от земли.

Как раньше всё в саду цвело,
какие горлинки горлили,
как целоваться мы любили...
Но тридцать с лишним лет прошло
и даром саду не прошло:
ни роз, ни персика, ни лилий.
Пейзаж дворовый заплели,
забили стебли дуролома.
Звонок ободран и обломан.
Стучим. Молчим. Зачем пришли?

Рванулся пёс – восставший раб,
ревёт голодную утробой,
плюётся, воеет с чёрной злобой
на двух чужих бесстыжих баб,
что заявили без причины.
Бредёт (когда-то был мужчина)
кощей на костяных ногах.
На солнце сорок. Он в носках,
залатанных кривою штопкой.
Приветствует улыбкой робкой
и суетится, как дитя.
Ну что сказать ему... Хотя...

– Отец, мы дом в округе ищем.
Не продаёте? Месяц рыщем,
Стоптали ноги...

– Что вы, нет.
Нам с бабушкой вместе двести лет,
живём вдвоём, как сыч с сычихой.
А вас какое гонит лихо
от центра в здешние края?

– Так мы отсюда. Дочь моя
вот в этом доме появилась.
– Ну надо же! Скажи на милость!
Так, значит, жили вы в доме?
Буян, замолкни! Почему
уехали? Беда случилась?

...Воспринимался как беда
измены холод – не постельной,
а мысленной ещё тогда.
Была несчастлива, горда.
От униженья и стыда
бежать хотелось мне туда,
где нет такой тоски смертельной.

И дом – на кон. Из дома вон
с пожитками мы удалились.
Тоска меж тряпок забралась
и с нами вместе подалась,
и в новом месте поселилась,
расслабилась, развеселилась,
прикинулась, что это сон –
всё то, что было стыд и стон.

Неверьем вымощенный путь
петлял и дальше по ухабам.
Мне было утешеньем слабым,
что всем живётся абы как.
И думалось: не стану так,
не уподоблюсь бедным бабам,
терпеть готовым, сплетни плесть,
считать, что лишь по мужу честь,
он должен быть, какой ни есть.

Мой был красавец и поэт,
боксёр, похожий на артиста,
играющего коммуниста.
Смотрел открыто, честно, чисто
в даль, где меня и дочки нет.
И высмотрел, в расцвете лет
и сил мужских, любовь и музу
в одном лице. Сорвал обузу
семейных уз, и был таков.
Забрал лишь книжек пять тюков.

Ну, было... Поросло бельём.
Достаточно трясти бельём
несвежим лопнувшего брака,
детали вовсе неважны.
Всё успокоилось, однако...

В глазах у дедушки вопрос –
зайдём ли в гости. Но барбос
нас проклинал осатанело,
от децибел в мозгах гремело.
Откланялись. Старик несмело
звал дочку приходить ещё.

Взглянула я через плечо
назад, где звякнула щеколда.
И жалость пережала горло
к собаке жуткой, к деду, к дому.
Так захотелось по-другому
свою переустроить жизнь,
что хоть тотчас назад вернись...

В бессоннице я снова там,
где всё позаросло травой,
где скорбно бродят по пятам,
болезни, бедность, старых двое,
где пёс с кудлатой головой
заходится в голодном вое,
хоть тоже вместе с ним завой.

Я стариков бы стала нежить,
повымела из дома нежить,
верёвку с дьявола сняла,
костей бы сахарных дала...

Такие странные дела
с душой творятся бесприютной
в потребности ежеминутной
делиться толикой тепла –
чтоб нежность нужною была,
нерассуждающей, нетрудной,
со всем живущим обоюдной.

* * *

Елене Казанцевой¹

Есть женщина, зовут её Елена.
Живёт, обожжена и незаконна.
Она кладёт гитару на колени,
И вот уже не вырваться из плена
Простейшего, на строгий слух, канона.

Ей вЕдомы и ею же ведОмы
Боль нежности и злая нежность боли.
Скитается душа её без дома,
Бессонная, как в чёрный час погрома,
Как птица в одичалом зимнем поле.

То пропадая вовсе, то взлетая,
В потёмках ночи, в свете дня плутая,
Не в силах жить, живёт – а как иначе...
Не в силах петь, поёт, смеясь и плача...
Безгрешная, нисколько не святая.

¹ Елена Казанцева – автор и исполнитель песен на свои стихи, в основном о женской судьбе. Родом из Беларуси. Часто с успехом выступает в России. Я нашла её песни в интернете, когда в Вене было скучно и грустно, и с удовольствием слушала.

* * *

Я вся такая быстрая, мобильная и злая.
Несправедлива часто бываю и резка.
Я вся такая добрая, возвышенная... таю.
Хотя о том, что таю и звёзды считаю,
Почти никто не знает пока.

Узнают только после, когда меня не станет,
Когда из головы моей повырастет трава,
Тогда они поплачут, а после посудачат.
Нет, сразу же поплачут и всласть посудачат,
Я прямо слышу всякие слова.

Вот, скажут, это надо же – такая незнакомая,
Как сторона невидная знакомой всем луны.
Собой была невидная, почти что неликвидная,
Судьба её обидная и всё-таки завидная.
Земля ей пухом, там-то все равны.

В траве моей кузнечики, сверчки и уховёртки.
Звенит весна, молчит зима и осень шелестит...
А будет ли прощение мне т а м за прегрешения –
В награду за мучения, за слабых утешение?
Неужто в самом деле не простит?

* * *

Лицо моё беспородное,
нисколько не благородное.
Слава Богу, хоть нет уродства.
Вот создам себе благородство:
брови выведу в две дуги,
под глазами затру круги,
по щекам пуховкой пройду,
губы контуром обведу.

Меж породистых самозванка
стану лучше, чем иностранка.
Улыбаясь красивым ртом,
на работу пойду потом.

Красота неубываема
та, что мылом не смываема.
А мою красу вода
растворяет без следа.

* * *

Вот охота мне,
чтобы горела печурка,
чтобы пела во сне
потихонечку мурка.
Чтобы пламя синело
и искры, как осы,
друг за дружкой летели
на свет папиросы.
Чтобы лес за окном
был чернее печали,
а печали бы
пламенем синим сгорали.
Чтобы утром следы
от порога до леса,
чтобы из речки воды
приносить без прогресса.
Чтобы лоси трубили,
охотились волки,
чтобы их не губили,
паля из двустволки.
Чтобы мой человек –
молчаливый и сильный.
Чтоб шесть месяцев снег.
Чтоб заткнулся мобильный.
Чтобы минимум слов,
только жесты да взгляды.
Я бы в печь из узлов
побросала наряды.
Вместо туфель пимы.
Вместо платица свитер.
...Строгий сторож зимы
чистый северный ветер.

* * *

Сергею Толстунову¹

Моноплан Ориона парит в небесах невесомо,
бескорыстно сияет, смещаясь на запад с востока.
И планета моя, бесконечным потоком несомая,
в колыбели космической тихо звенит от восторга.

Он над Веной плывет, Орион, высоко и бессонно,
не тревожа Европу, ведь в полночь ещё не светает.
Осеняет Марсель и, коснувшись крылом Альбиона,
отразится в Атлантике, над Монреалем растает.

Точно так же он плавно скользил над хребтами Терскея,
было это полжизни назад – и вчера, и всегда, и исконно.
Точно так же стояла во тьме босиком на песке я,
как теперь у окна – зачарованно и изумлённо.

¹ Сергей Толстунов – кыргызстанец родом, давно гражданин Австрии. Его дед и отец много полезного сделали для развития сельского хозяйства и образования в Киргизской ССР.

* * *

Это Вена. Мой временный рай,
сад с ежами и птицами.
Это улицы с чуждыми лицами.
Жизнь прошу: ты ещё поиграй
в волшебство с небылицами.

Мне казалось – так ярко горю,
пусть приходят погреться к костру.
Не идут. Никого не корю.
Я, наверное, не умру –
просто жизнь свою докурю...

**МОЯ
ЯХИТЯ
(2009–2021)**

ЖИВОЕ

* * *

Осенней ярмарки цветастый балаган
свернул весёлые шатры и был таков.
Оставил за собой на память от цыган
напев гортанный ветра, листьев хлам
да вороньё развесил по дубам,
да смысл ночным дождём следы подков...

* * *

Горя сплошной комок
у ворот моих лёг:
сироты точно видят,
где не обидят.

Сам догадался пёс,
вычислил чуткий нос:
в этом доме не лупят –
может, полюбят?

– Нету совсем родни.
Ты меня не гони.
Буду защитный зверь –
я ж твой теперь!

Маленький верный страж,
четвероногий паж.
Скачет, лапами клянчит:
– Печеньку дашь?

P.S.

– Я называюсь Гром.
Есть у меня свой дом.
Есть еда и хозяйка
и кошка с котом!

* * *

Ночь бесконечна без сна, тянется, словно год.
Но тут приходит она, лапку в ладонь кладёт,
голову пристраивает на запястье –
хитрое, независимое моё счастье –
взахлёб мурлычет, отгоняет напасти.
Кот мой чёрный ушёл, как всегда, на войну.
В шрамах весь, сравним с бывалым майором.
Лежу и жду, когда он (один или хором)
разорвёт истошными воплями тишину.
Долгом мужским ведем, кот защищает дом
от лихих набегов безнравственных чужаков.
Они не только из блюдец еду сожрут,
они же и наших девушек уведут –
ведь за красоток каждый драться готов.
Старшая вся распушится, чисто княжна.
Конечно, такая любому жена нужна.
Сидит на окне, заводит очи – в лунные ночи
подмуркивает, пленительна и нежна.
А вон и пёс любезный лежит за углом.
Он скандалист и буйн, вислоухий Гром.
Собачью душу за вкусный кусок не отдаст,
поскольку верный и никогда не предаст.
Сначала погладится, прыгнет, лизнёт в висок
и только потом попросит вкусный кусок.
Вот такой у меня замечательный коллектив –
просто повелительный императив.
Велят: живи давай, пораскинь умом –
не будет тебя, и мы совсем пропадём.
И я подчиняюсь, действительно, надо жить,
чтоб эти морды могли капризничать и блажить,
и чтобы меня лечить шерстяным теплом,
и чтобы для всех для нас был защитой дом.

* * *

Посмотрела хаски
разными глазами:
правый тёмно-карий,
левый – голубой.
Потому-то хаски
видят мир, как в сказке.
Это на Аляске
подтвердит любой.

Ах, собаки! Вы прекрасны!
Лучше нет на свете зверя.
Правда, есть ещё и киски,
не о них сегодня речь.
Жизнь нисколько не опасна,
если я собаке верю.
Это друг мой самый близкий,
он сумеет уберечь.

А ещё бывают
хаски-синеглазки.
Встретила в Париже:
с виду просто волк.
Подошла поближе.
Глазки просят ласки.
Это понимает
тот, кто знает толк.

Ах, собаки! Вы, как люди.
Впрочем, нет людей на свете
(а во тьме, уж точно, нету)
лучше преданных собак.
Если вас собака любит,

вы ей главное доверьте.
Жизнь свою отдаст за это,
будь вы гений иль дурак,
будь силач или слабак
будь хитрец или простак,
шкурник или же чудак
даже если вы – скорняк...
Ни за что отдаст, за так.

* * *

Болеет мой пёс. У него бронхит.
А, может, уже пневмония.
Он ночами под дверью моей хрипит
и я не сплю, лекарством кормлю,
у самой почти анемия.
На душе темно, не мил белый свет.
Я загнусь или он загнётся?
Хорошо, хоть морозов пока что нет,
и когда я псу сосиску несу,
он махнёт хвостом, улыбнётся.
Как же ему превозмочь всю ночь
со взрывами и стрельбою?
Как же собаке моей помочь –
разве только прикрыть собою.
Ночь пролаял Гром, охраняя дом, –
подвиг верной собачьей службы.
Я ему то еды, то тёплой воды –
чуть лизнет из великой дружбы.
Но не зря, по-честному говоря,
я в лечении стала спец.
Вот сейчас второе уже января –
а мой пёс, хоть болен ещё, но жив.
спит, башку на тёплое положив
и уткнувши нос в свой пушистый хвост.
Не слабак мой пёс – он боец!

* * *

Моей Арме

Были в жизни потери гораздо страшнее, чем эта.
Но когда угасает собака, а ты ей не в силах помочь,
бытиё твоё рушится, меньше становится света,
сиротливей, страшнее и горше бессонная ночь.

Сколько радости было, как весело руки лизала,
нос совала в карманы: скорее давай, не томи!
А зимой по заснеженным грядкам круги нарезала,
только хвост на отлёте, и чашку толкала – корми!

Неизвестно, какую потом нам отмерится мерой,
где окажемся (вряд ли, конечно, в небесном раю),
всё равно невозможно расстаться с надеждой и верой –
кроме близких, там встретить собаку родную свою.

* * *

В день морозный снегопада вешнего
так цвели – отчаянные, нежные
молодые яблони с черешнею
на свою погибель неизбежную.
В маскхалатах белых это воинство
победив беду, стерпело тяготы.
Всё же не утратило достоинства,
вырастило яблоки и ягоды.
Пусть сегодня ветки их не ломаются:
урожаи невозможны прежние.
Как удар держали – мне запомнятся
хрупкие, продрогшие, безгрешные.

* * *

и уже на рассвете когда совсем устают
усыпив ненасытных вечно орущих детей
без фиоритур без обычных своих затей
соловьи полусонные сами тихонько поют
придавая утренней дрёме домашний уют
и в ответ катают горлинки в горле дрожь
и собака моя не в будке спит а в траве
трижды за ночь вскипает лаем ворот не трожь
а теперь в большой по-волчьему голове
зреют сны о прекрасной на вкус жратве
этот хрупкий мир беззащитен так и раним
что обнять бы его прижать в обиду не дать
хоть бы ангел какой с небес серафим херувим
приглядел за ним сумел со злом совладать
солнце встало значит скоро и всем вставать

* * *

Сады февральские к небу ближе,
оно их нежит и снегом лижет,
и укрывает пушистым пледом
чтобы им было тепло, как летом.
Солнце сверкает в море и в луже,
в луже даже ничуть не хуже.
График теперь остаётся прежним:
дождаться сирени, потом черешни,
потом пусть розы – штучно и оптом,
затем малина, согласно с опытом.
Потом шиповник, за ним орехи,
и небо станет синеть в прорехи
листвы редющей калины рдеющей.
Потом пусть иней в траве седеющей,
поналетевших ворон скандалы.
И для работ надеть причиндалы,
чтобы листву ворошить граблями.
И воровать, заплатив рублями,
чистого золота взяв из вороха,
чтоб утаить от возраста-ворога
этот обычный график теперь:
пусть бы подольше и без потерь...

* * *

И снова снег. Зима не кончится.
Врёт календарь, как сивый мерин.
Март за калиткой робко топчется,
ему в тепло, бедняге, хочется,
но к нашим душам ключ потерян...

* * *

Это бывает – снега в апреле нисходят,
уничтожают старанья погоды вешней.
Пчёлы жужжат, наверно, что-то находят,
если кружат над яблоней и черешней.
Всё же, быть может, холодом угрожая,
Мать-природа дурных детей пожалеет
да и оставит хоть чуточку урожая,
а на жаре наш общий враг околеет..
Как бы хотелось, когда победим кошмар мы,
чтобы нашлось для всего живого спасенье.
Может, начнём спасать, не прогневав кармы,
прямо сегодня, в Вербное воскресенье?

* * *

Куст расцвёл за окном моим –
зелёный двурушник.
С запахом он – жасмин,
без запаха он – чубушник.
Радость ежевесенняя
расцветает без опасения,
потому что его все любят
и не губят.

* * *

Листва скрывает суть ствола,
его изломанную графику,
но в ноябре, согласно трафику,
исчезнет, словно не была.
Расчертят чётко небо всё
ветвей изысканные линии,
такие чёрные под ливнями,
как иероглифы Басё.

* * *

Пахло прелью и апрелью,
а сейчас царит веселье:
соловей зашёлся трелью –
за окном зелёный май.
Зацветёт жасмин наутро:
куст в тумане перламутра.
Поступай, прохожий, мудро:
крупных веток не ломай,
в изоляцию хромай
с хрупкой веточкой прекрасной.
Жизнь трудна, но не напрасна
и не так она ужасна,
ведь не ад, хоть и не рай.

* * *

На пригорках травы расстелены, как ковры;
одуванчиков рыжих солнечная система.
В речках движутся рыбы, тяжёлые от икры,
а на лугах олени, как в книжках Брема.

Обезлюдивший мир стал раны свои лечить.
Спас кротов в садах, заслал в Grand Canal дельфинов;
Засиял, все краски спектра успев включить,
утром стал малинов, ночью ультрамаринов.

Не дымят заводы, заткнулись везде станки.
Кислород деревья гонят из хлорофилла.
Мы такие гиганты, такие жалкие слабаки,
полагаем, что в нашей технике наша сила.

Наш пытливый разум кругом пролез:
воды рек загадили, космос избородили.
И гордимся: от дна морского и до небес
где могли, везде сходили и навредили.

Homo habilis, прямоходящий пра-праотец,
был человек умелый из Олдувая.
Видя «пипец, который ещё не конец»,
вновь поселиться в пещерах не призываю.

Просто грущу, что безудержный интеллект
сам создаёт чудеса и сам же всё разрушает.
Разум отточенный, словно острый стилет,
жить нам на свете или не жить, решает.

Словно змея, кусающая свой хвост,
не уяснит себе до скончания света:
дом наш единственный среди мириадом звёзд –
лишь беззащитная крошечная планета.

* * *

Характер вредный спас от пустословья,
которым старики грешат подчас.
Мне берегут ментальное здоровье
две кошки, кот, свирепый пёс, лучась
проверенной и верною любовью.
Хвоста четыре, восемь хитрых глаз –
моё спасительное поголовье.
Нам некогда в депрессию впадать.
Наш разговор предельно органичен:
артикуляционно ограничен,
зато тактильно сильно гармоничен.
Не надо слов. Какая благодать!

* * *

Я живу в глуши, создаю уют.
Три живых души рядом у меня.
Видно, неспроста песни мне поют.
Эти три хвоста – нынче вся родня.

Нет, ещё есть Гром, сторожит наш дом,
невелик умом, нету злей вокруг.
И счастливей нет никого кругом:
вот уж много лет верный страж и друг.

Берегут меня, стерегут меня
в ночь и среди дня. А кому нужны,
вдруг со мной беда? Я же – вся родня.
Потому всегда песни их нежны.

Будет так всегда, пока я жива:
не разлей-вода, улетим толпой.
В коллективе нам будет трын-трава.
Этот скотный двор заберу с собой.

**Прощай, год Крысы, уходи скорее,
а то я что-то от тебя зверею**

Год Крысы – он и мой по Зодиаку –
сулил мне много ярких перспектив
Не знала я, как тягостен, однако,
категоричный крыс императив.

Красотка Микаэла ради знака,
в местах заветных норки посетив,
внесла в зубах в наш дружный коллектив
(три кошки, я и верная собака)
добычу, излучая позитив.

Решила гостя жить у нас на кухне –
чернущая, как ночь без света звёзд.
И, шорохом своим терзая слух мне,
мелькнув, как призрак, показала хвост.

А если это Крыс, то он непрост.
Не сунул в мышеловку хитрый нос,
под шкафом ржёт: кусок в ловушке тухнет!
Над нами потешается, прохвост.

Травить? Своих же кошек погублю.
Ленивых дармоедов я люблю.
А истребить не знаю, как, пока
никак не поднимается рука.

Опасно крысу убивать, читала я.
И раздражаюсь жалобой пустой:
как от зверья бездомного устала я!
Но следующим будет год Быка.
Он Крысе друг – они два кунака –
вдруг приведёт его к нам на постой?

Ведь Бык такой хороший и простой!
Над тем покамест размышлять не стала я,
где размещать мычащую скотину,
где взять на эту спину хворостину.

Он, мало, что рогат, ещё здоров.
Я ж с малолетства страсть боюсь коров:
бездумные глаза косят лилово...
Пусть бык ещё страшнее, чем корова,
я всё-таки надеюсь на успех –
чтоб год Быка стал к нам добрее всех.

2020 г.

* * *

Лютное лето.
Листва без полива в июле опала.
Людам в троллейбусах липко,
и лёгкие молят о влаге.
Хлюпать в канале согласны, и в луже любой –
лишь бы лежать, ублажаясь, но влага пропала.
Метеорологи лгут, им вольготно лукавить о благе.
Каплю бы только!
Но льётся лавиной слепой
солнечный ливень из блёклой дали голубой.

* * *

Так печёт, что течёт меж лопаток ручей.
Дождаться прохлады – смешная причуда.
Помечтать о спасенье от жгучих лучей
позволяет себе человек не отсюда.

Мы-то, местные, знаем, почём эти дни –
часто «скорая» мчится – помочь неотложно.
Ночью двадцать, а днём уже сорок в тени,
и на солнце глазунью пожарить несложно.

Что ни год, беспощадный лютует июль,
да и в августе вряд ли чуть-чуть полегчает.
Бишкекчанин в тоске – на волне Иссык-Куль
не его, а беспечных счастливцев качает.

Не успеешь очнуться – и всё, и январь,
от колючего снега спасения нету.
Как мучительно длит холода календарь,
не давая приблизиться чудному лету.

* * *

Вчера испытала культурный шок,
глядя на карты звёздные.
Поверьте, я ожидала всякого,
но то, что Земля не большой кругляшок,
а меньше, чем зёрнышко маково...
Какие же мы несерьёзные,
полагая себя царями природы
особенной двуногой породы.

С чем-то сравнить её очень сложно –
наша планета не больше кварка,
увидеть практически невозможно,
если смотреть из другой галактики.
Разве что в качестве подарка
жить разрешили нам на планете
пришельцы? боги? и те? и эти?
Специалисты знают из практики:
кварк меньше сечения волоса,
наверное, в миллиарды раз.
Так поняла я научный рассказ
с монитора звучащего голоса.

Мы – микробы на этом кварке,
вообразившие по запарке,
что мы – великие стратеги и тактики.
Мозги наши требуют профилактики,
поскольку ведём себя не как цари,
а как варвары и дикари,
как предки, живущие в зоопарке.
Тесно на кварке, и каждый микроб
мечтает другого засунуть в гроб,
взрывают, стреляют, вирусом травят

и полагают, что миром правят.
А мир их менее позитрона.
Пока с башки не сбили корону,
не теребите, микробы, пространство.
Земля нас накажет за окаянство!

* * *

Клён ли, тополь при встрече молю: – Живите!
Могут в любой момент напасть с пилою уроды.
Пейте большими корнями подземные воды,
листиком каждым тёплое солнце ловите.

Чистые пни по убитым стволам тоскуют:
сколько в них было здоровья, радости жизни!
Толпы жлобья жируют нагло в отчизне.
Сердце болит и любит её – такую.

* * *

Пойти в малинник. Тёмных ягод гроздь
найти в листве и подивиться чуду,
что помогает одолеть простуду.
В своём саду я – удивлённый гость –
не только пользой восхищаться буду,
а счастьем, пронизавшим всё насквозь.

Ты щедр ко мне, мой малый, бедный сад.
За всё благодаришь – за свет и влагу,
за солнца и дождя хмельную брагу.
Ты пережил апрельский снегопад
и, проявив терпенье и отвагу,
всем, что спаслось, со мной делиться рад.

Черешни алой малый урожай
сберёг, мне яблочек к октябрю развесил.
Не так богат, как зелен, щедр и весел,
цветами и плодами поражай,
живи, мой сад, для вольных птичьих песен
и молодых солистов нарожай!

МЕСТА СИЛЫ

* * *

*Младшему внуку
Матвею*

Детства счастливого бедные игры
с теми, что нынче, сравнить невозможно.
Ёлкины лапы – колючие иглы
гладили щёки неосторожно,
пахли свежо и дышали тревожно.
Пленница тюпского¹ горного леса,
выбившись в люди, нуждалась в наряде.
Были шары стограммового веса,
букли Снегурки – стеклянные пряди –
вата и клей. Да листы из тетради,
чтоб мастерить голубей и шкатулки.

Вешали груши и зайчиков блёклых...
В нашем безлюдном, глухом переулке
цепи цветные, снежинки на стёклах
виделись сказкою в отсветах тёплых.
Кукла из тряпок, диванчик да мячик.
Сёстры «не лепо ль ны бяшеть...» учили.
Я ж, на подхвате, всё помнила, значит,
не подсказать не имела причины,
чтоб они двойку не получили.

¹ Тюп – село на восточной оконечности озера Иссык-Куль. Моя малая родина.

Ребусы, трудные головоломки,
10 отличий найди на картинке,
в домике глиняном пол из соломки,
там же на блюде из глины тартинки,
стёклышки, цыпки, цветки, хворостинки...
Вы не играли в волшебные спички?
Высыпав кучкой на стол из коробки,
справиться сложно весьма без привычки.
Поодиночке растаскивать ловко,
все не задев, помогала сноровка.
«На телевизор» ходили к Шаблеям
целой толпой, как сваты на смотрины.
Нам тётя Ася, себя не жалея,
в кухне двухкомнатной чистой квартиры
вслух объясняла кинокартины.

Младшему внуку сказать – не поверит.
Разве возможно без интернета?
Ключик под ковриком клали у двери?
Как без смартфона и зиму, и лето?
Что за планета? И где она?
Нету...

Тюп

Четыре года. Корь. Больница.
Среди чужих людей так страшно,
хотя, как будто, не враги.
Рыдаю, вспомнив день вчерашний,
и не могу определиться,
какой чулок с какой ноги.
Ни мамы, ни сестёр. Их лица
я вижу только в амбразуру
больничной форточки под вечер.
Незыблемый порядок вечен:
мне меряют температуру,
болючие уколы ставят.
Не хочешь суп – они заставят.

Раз мама с сёстрами пришли.
Хотя картошку я просила,
мне плов горячий принесли.
Им жареную стыдно было
носить в больницу каждый раз:
боялись, что осудят нас.
И «Чио-чио-сан» конфеты
терпеть я больше не могла,
вчера же леденцов просила.
Забыли, видимо, про это.
Кулёк конфет, что было силы,
швырнула на пол и ушла...

На подоконнике сидела,
но днём никто прийти не может.
Весь день никто не шёл ко мне,
хотя во все глаза глядела.
И горе снова душу гложет.

Но вот однажды было чудо:
явился папа ниоткуда
в костюме белом на коне
в незанавешенном окне.

Сидели во дворе на лавке.
Я закричала: «Снег летучий!»
Он засмеялся – «Ты забыла:
когда на небе нет ни тучи,
то это тополиный пух,
ведь так всегда весною было».
И он его поджѐг в канавке,
пух мигом прогорел и стух.

Шесть раз поцеловал меня,
залез обратно на коня,
и конских ног раздался стук.
Конечно, это было жалко.
И он моих не видел слѐз,
что даже петуха на палке
он мне в подарок не принѐс.

Рыбачье

Ну не увижу Мачу-Пикчу, да и ладно:
Крылов по телевизору покажет.
Дорога далека, весьма накладна,
там днём жара, а ночь весьма прохладна.
Там к Богу ближе, кто-то умный скажет.
Но Бог – везде, что, в принципе, отрадно.

Проникну в детской памяти чуланы,
достану с полок лучшее из жизни.
Не исключу суровые уланы¹,
что в спину больно били постоянно.
Припомню о базара дешевизне
с картошкой, но без киви и банана.

В квартале – пляж, тропинка через запах
копчёных чебачков, висящих низко –
не дорогих османов в крупных крапах,
а мелких рыб, на всяческих этапах
подвяленных, сперва от рапы склизких,
и сторожа, зашедшегося в крапах.

Вприпрыжку, мимо, презирая искушенья
рыбозавода, липнувшего к кромке
береговой. Порой без разрешенья,
готовясь отвечать за прегрешенья,
услышав мамы выговор негромкий:
усталый голос, поцелуй, прощенье...

До вечера забыв вину непослушания,
с разбега в воду, и до посиненья
купание, ныряние, купание,
на обжигающем песке лежание –
минуты три, на дольше нет терпенья,
и рук, и ног от голода дрожание...

¹ Улан – шквальный западный ветер.

* * *

Чёрен ликом «английский шпион»...
В драных тряпках, верёвкой подвязан.
Никому объяснять не обязан,
кто же, собственно, он.
Лупит в спину свирепый улан.
Он вприпрыжку бежит перед ветром,
скалит зубы тигриным приветом
со слюною напололам.
Руки в саже и волосы в саже.
Что он ел, где он спал, как он жил?
Элемент городского пейзажа,
лишь с бездомными псами дружил.
Никого не боялся юродивый.
Только зыркнет зверино зрачок.
Ни родни он не ведал, ни родины.
наш английский шпион, дурачок.
Сирота, тентимиш¹ неприкаянный;
Кто родил? Кто потом проводил?
Беспризорною стаей облаянный –
кто он был и зачем приходил?

¹ Тентимиш (кырг.) – бродяга.

* * *

Я в списке кораблей искать не стану сходства:
нет парусов тугих и нет следов от пуль.
В Рыбачьем каждый знал родное пароходство,
два теплохода знал в те годы Иссык-Куль.

По малолетству мы не бредили стихами,
но тайною пленял мечты цветной туман:
У юной классной муж был капитан Духанин,
у немки был старпом – почти что капитан.

И не было тогда с конями карусели.
Раз в пятилетку цирк и очередь у касс.
Бесплатно пацаны с окрестных крыш глазели,
как бережно ступал по проволоке гимнаст.

Но было то, о чём с зимы мечтает детство:
в динамиках поют чужие голоса,
когда по выходным белейшее плавсредство
катает с ветерком нас целых полчаса.

У берега волна зелёно-голубая –
прозрачный до песка берилл, аквамарин.
Колотятся винты, на брызги разрубая
небесную лазурь, сапфир, ультрамарин.

Не чувствуя себя большого мира частью,
был городишко сер, его трепал улан.
И лишь озёрный свет был обещаньем счастья.
Бессонница. Гомер. Пылинки дальних стран.

* * *

Мне семь лет. Каждый вечер иду проявлять героизм.
Собираюсь молчком, игнорирую смех и расспросы...
Точно знаю: Тарзан наш любого бы сразу загрыз,
кто посмел бы взглянуть на хозяйку любимую косо.

Но ни разу никто посмотреть не посмел на неё,
ниоткуда опасность двуногая не появилась.
А не то бы она услышала, что сердце моё,
как куранты по радио, громко от храбрости билось.

Пёс храпел у калитки, устав пустоту озирать.
И, когда в темноте покидала внезапно отвага,
чтобы трусом не стать, начинала я громко орать,
то есть, петь во весь голос про гордую гибель «Варяга».

* * *

Мне снилось озеро: густая
синь отражает облака,
щекочет ноги рыбок стая,
а надо плыть до маяка.

Озёрных волн рисунок помня,
песок зигзагом лёг на дно.
Маяк чернеет в свете полдня,
старинный, сломанный давно.

Сверкая, как сапфир в наследстве,
вода затеяла игру
опасную. А вдруг, как в детстве,
мне стянет спазмами икру?

Суровые законы знаю:
держись, надежда есть пока.
Уставшая смертельно, злая,
я доплыла до маяка.

И, на волне легко качаясь,
смотрю, мурлыча про прибой:
маяк маячит, отличаясь
расцветкой чисто голубой.

* * *

Я больше на улице уже никогда так не пела,
как в детстве, когда за водой на колонку ходила.
Тогда, не боясь осужденья, вопила я смело,
и Зыкиной песни обычно сперва заводила.

Второй городок незабвенного «Автовнештранса».
Там жили водители с семьями, грузы возили
в Китай. В смысле дружественного баланса:
оттуда текстиль, а им шерсть тюками грузили.

Мы жили там с мамой, напротив большой конторы.
Друзей у меня завелось штук сто: «казаки-разбойники».
До ночи носились, пока их отцы шофёры,
вернувшись из рейса, терзали в садиках рукомойники.

Как странно, куда завела кривая, совсем не о том хотела.
А вспомнилось вдруг: я впервые в Москве, всё чудесно.
И сразу, в метро спускаясь, тихонько, чуть слышно, запела
о том, что Булату в его метро никогда не тесно.

А в другие разы к посольству шла по Большой Ордынке.
Как могла не мурлыкать любимые строчки Юнны?
Тут она среди жизни своей стояла посерединке,
а для неё на Ордынке с Полянкой тихо звенели струны.

Так с тех пор повелось, куда бы ни приезжала,
и в нью-йоркском метро, и в парижском, светло и юно,
первым делом на ум приходил, конечно же, Окуджава.
а Москва для меня – обязательно Мориц Юнна.

* * *

Пятые сутки живу между Крымом и Питером,
осваиваю пространство: Понт Эвксинский, Неву.
Уже узнаю людей, не обеспеченных литером,
но литерами означенных в книге, как наяву.
Было когда-то так: Крым, и там дача Чехова.
Больше полжизни назад плакала, видя кожАн,
в котором по гнусной весне в гибельный путь поехал он,
чтобы составить перепись всех островных каторжан...

Гриша кормил халвой, ловко прижавши к дереву.
Лагерь для молодых. Танцы. В версте – Гурзуф.
Пас, да не выпас меня, выгуливая по берегу:
мимо вахтёрши в окно влезала, туфли разув.
За руки на этаж две сибирячки розовых
втягивали меня, злясь, что они сидят,
а я, охмутив, чувака бросаю на клумбах розовых
и, закурив, веселюсь: зря дурынды следят.

Утром, когда транзистор десять тепла обещал-свистел,
девки мои немедленно, в лёгкие одежки
позапахав два центнера крепких да мощных горячих тел,
хором: «Айда загорать, хватит листать книжонки!»
А я, замотавшись шарфом, плащ застегнув на молнию,
скорей мимо них, смиряя холод, трясущий внутри.
В тире, стуча зубами, беру винтовку намоленную
и выбиваю однажды из ста девяносто три.

* * *

«Всё будет хорошо. Всё кончится печально.» –
Волшебник говорит, тревожен и понур.
Печально, что сейчас не аэровокзально,
аэропорт далёк, почти как Байконур.
Есть в памяти сегмент, который не сотрётся:
огромные порты далёких заграниц.
Там самолётов сто на отдыхе пасётся,
а на хвостах у всех эмблемы их столиц.
Есть даже кенгуру, с ним лист кленовый рядом,
там множество цветов, гусей и прочих птиц.
Суровые орлы тяжёлым, хмурым взглядом
смущают в небесах застенчивых орлиц.
...Нью-Йорк, Санкт-Петербург, Париж, Любляна, Вена,
Карачи и Пекин, Мадрид, Брюссель, Берлин.
Пылинки на ноже карманном непременно
стирала, чтоб не впасть в непреходящий сплин.
Настроили судов – тяжёлых, сильных, грузных.
Но лишь один полёт я повторить хочу:
летит в Джалал-Абад тихонько «кукурузник»,
и не закрыта дверь, и я на нём лечу.
Пижонит командир, «стальные руки-крылья»
ведёт невысоко, качается земля.
Лечу я из Оша¹ в другую эскадрилью,
чтобы писать о тех, кто опылял поля...
Забуду имена, дела и разговоры,
но навсегда во мне (три раза постучу!)
вот эти небеса и в снежных шапках горы,
и малый «АЭН-2», и я на нём лечу.

¹ Ош – город республиканского подчинения Кыргызской Республики, административный центр Ошской области, расположенный на юге страны.

* * *

*Лётчикам
Медеру Джундубаеву,
Равилю Аксянову,
Владимиру Ерёмину*

Когда на десять тысяч метров ты оторвёшься от планеты,
так явственны и хрупкость стали, и белых облаков восторг.
Там, за бортом, объятья ветра, как клятвы верности омерты,
а рядом пьют, едят, боятся, молясь привычно на восток.
И ты, подвешенный на нерве, что крепче этой тонкой стали,
не зная тысячи законов, что позволяют вам лететь,
припомнишь: братья Райт, Можайский
так это дело просчитали,
что тяготение земное смогли впервые одолеть.
Тебя подвозят к самолёту, допустим, где-нибудь в Бишкеке,
в руке гарантия-бумажка, в ней жизни красная цена.
И крохотная железяка, бренча баулами в отсеке,
пересекает мирозданье, а рядом плавает луна.
Вы прыгали с зонтом с сарая? Вы задом падали в крапиву?
А вас за это отлупили, или никто не увидал?
Аэродром. Идут пилоты. Они отважны и красивы,
и точно знают: не напрасно Икара погубил Дедал.

* * *

Всю жизнь я люблю горы.
Они у нас до небес.
Теперь мне надо учиться,
как полюбить лес.
И бесполезны споры –
лучше стволы или скалы,
иначе мне не прижиться
в далёкой ещё стране.
Не ездят там аксакалы
у лошади на спине.
Беркуты там не летают.
Поздно зимой светает,
рано солнце садится.
На это нельзя сердиться –
сиди, их законы учи.
Но лебеди тоже зимуют.
А ветры такие дуют,
как у нас в Балыкчи.
Мир – фантазия наша,
он там же, где мы сейчас.
Но вот, если сесть на «Боинг»,
наш мир исчезнет из глаз,
и станет что-то другое:
Russia – Россия она же...
Поэтому, видя в окошко
горы до самых небес,
уже тоскую немножко,
что надо любить лес.

* * *

Были Чехия, Вена и Венгрия,
Град Люблянский, испанский Мадрид...
Не любитель кровавых коррид,
в снах мечтала всю жизнь о Хан-Тенгри я.

Вот пылинкой ложусь у подножия
(не взойду, разумеется, нет),
лишь впитаю всей кожей свет
и покой его не потревожу я.

Ханских почестей шлейфы аршинные –
снега щедрое мотовство...
Я однажды любила того,
кто не вынес разлуки с вершинами.

* * *

Ярославу Тартыкову

А на улице пахнет зимой,
льдинки стылые лупят, как пули.
Кожа помнит жару – Боже мой,
как мучительно было в июле!

А ведь есть на планете места,
где всегда 25 с ветерочком.
И неведома там маета –
заменять сарафан свитерочком.

А у нас распирает шкафы,
от одежд на четыре сезона.
И в уме сто четыре графы –
от блузона до комбинезона.

А у нас то жара, то мороз,
перепады от неги до брани,
то разлука, то счастье до слёз,
всё взахлёб – на пределе, на грани.

А у нас то отвага, то страх,
свет надежды то ближний, то дальний:
в наших душах и в наших горах
климат резко континентальный.

* * *

Неужели Питер не увижу,
дерзкий невский ветер не вдохну?
Памяти слезами не унижу,
а глаза зажмурю и приближу
ледяную хмурую волну,
божества на крыше Эрмитажа,
жезл Баркляя в жанре эпатажа
и гиганта в царственном courage,
под уздцы поднявшего страну.

В Питере есть ангел – нет прекрасней.
Каждый раз ищу его напрасно:
позабыла напрочь, как пройти.
Чёрный, он стоит на чёрном шаре,
и крыла, как складки чёрной шали,
с плеч его безжизненно упали
в душу разрывающей печали.
Ангел, прощаемся.
Прости!

* * *

Мне надо к Эль Греко в Толедо.
Он белый. Стоит на холме,
как свет отражённый, альбеде,
и тучами синего пледа
укрылся, готовясь к зиме.
Там смуглые старцы в печали
в соборах и просто в домах,
с суровой судьбой за плечами,
воспетые греком, ночами
очами сверкают впотьмах.
Зачем-то мне надо в Толедо.
Мне скажут: туда не попасть!
Но всё же бреду я и ёду,
надеясь в бреду на победу,
что мне не позволит пропасть.
Ознобный предутренный морок.
Наверное, было под сорок...

* * *

Ефимычу – Олегу Шаранданову¹

Белое, Красное, Чёрное, Жёлтое – это моря.
Там по делам поспевают то танкеры, то ледоколы.
То на прогулки, то Север картошкой даря,
то изучая планктоны, то айсбергов сколы.

Южных морей не касается жгучий Борей,
пальмы качают весёлые ветры пассаты.
В джунглях полно пауков и опасных зверей,
осы носаты и тигры в кустах полосаты.

Смуглые музы Гогена, обманчивый рай.
На дромадере плывёт бедуин по пустыне.
Флейта Суона – китайский короткий карнай –
нотами в душу проникнет, как вечность, простыми.

Наша Земля, как песчинка на пляже, мала,
но уместила в себе и микробов, и кашалотов,
степи и реки, великих вершин купола,
и человеков – от гениев до идиотов.
Если погубят наш мир, то среди пустоты
что же останется – горы? долины? вулканы?
Спел нам Ефимыч: дельфины, цветы и коты...
Док полагает, лишь крысы и тараканы.

¹ Олег Евгеньевич Шаранданов – мощно и разнообразно талантли-
вый современный автор умных, ироничных, печальных, иногда ве-
сёлых песен (стихи, музыка, вокал). Лауреат российского конкурса
2021 года – за лучшие песни на стихи Сергея Есенина. А ещё в его
багаже прекрасные песни на стихи Пушкина, Лермонтова, Бродско-
го, Жигулина.

В ноябре 2018 года профессор Михаил Анатольевич Медведев
(светлая ему память!) прислал мне песню Ефимыча «Под мостом».
С этого и началось радостное знакомство с творчеством нашего со-
временника.

Гимн дому моему

Почему интересно жить не в квартире, а в доме?
Потому что много чего, интернета и ящика кроме.
Интересней снимать бельё с верёвки, а не с сушилки,
и глядеть, как с тополей соседских летят пушинки.
И собака твоя под ладонь, как дельфин, ныряет
и в карманы суётся носом – вкусное проверяет.
И твой сад хорош всегда, даже в грязную пору.
И выходит ёжик на свет, покидая нору.
За забором кричит петух и хохлатка квохчет,
не мешают читать в беседке и спать – кто хочет.
И на твой абрикос налетает пернатых стая.
У Фариды всё обнесли, и тебе не оставят.
А гибискус красный – цветы с тарелку для супа!
В доме лучше, без слов, даже сравнивать глупо.
Ведь, когда весь город зябнет без отопленья,
надо только кнопку нажать – для утепленья.
И такой уют, а на улице снег и гнусно.
Кот клубком у плеча и поёт, чтоб тебе не грустно.
А когда зайдёшь в интернет, как дурак с мороза,
Там почти что радости нет – одна унылая проза.
Есть, конечно, и минусы – это когда алконавты
за забором устроят конкурс на лучшие маты.
А собака твоя матерщину совсем не любит
и кричит под калиткой, грозит, что их всех погубит.
И, конечно, плохо, когда есть крысы под полом.
Ночью зимней они предаются играм своим весёлым.
Ты коту говоришь:

– Что же ты спишь, скотина?

Он в ответ:

– Крысы твои, вот и лови их, Рина!

И тогда сам собой в уме находится выход:

Надо ночью стирать на машинке. Все крысы – на выход.

Вероятно, не терпят шума и частых вибраций,
потому вожак им командует убираться.
Вот и всё плохое. Прочее же прекрасно.
Поздним вечером, если на небе ясно,
ты находишь штук пять знакомых созвездий:
две Медведицы, Ясли, Весы, Орион – все вместе.
А зима! А весна! А лето! А наша осень!
Так живёшь в ладу с собой, не как серая плесень.
Даже если болит и врач уже не поможет,
всё равно, кроме боли, ничто не гнетёт, не гложет.
Мелкий внук поест с куста в октябре малину.
В этом есть тот смысл, что, право, сродни nirване.
Я надеюсь, что дом свой уже никогда не покину
и не буду паяльаться в ящик весь год на диване.

* * *

Оглянулась – а жизнь-то длинная...
Детство, как сто времён года.
Те осваивают земли целинные,
те копают курганы былинные,
а я всё мелкая, ни к чему не пригодна.
Пью молоко с коврижкой
да сажу на заборе с книжкой.

Юность – быстрее пошла, чем ранее,
но в зубах застревали марксизмы.
Да – свидания, спешки и опоздания,
по курсовым ежегодным заданиям,
и опять, блин, эмпириокритицизмы.
Сажу, разбираю э т о,
прикуривая сигарету.

Молодость. Первые годы замужества.
Муж о свободе мечтает. Дочка.
Первые слёзы. Первая строчка.
Как торжество терпеливого мужества
десятилетняя школа супружества.
Злые пророчества.
Сажу, пью одиночество.

Зрелость. Всё позади. Пережито.
Много работы любимой и важной –
так неожиданно стала отважной.
Дни, пересыпанные сквозь сито...
Взыскана щедро судьбой эпатажной,
в Вене с подругой в «Pallavicini»
сажу, пью мартини.

Ну и сейчас. Каждый день – это бонус.
Жизнь, как пять серий кино, показали.
Поезд ушёл. Я одна на вокзале.
Ладно, пока не разгневался Хронос,
тихо листочком зелёным накроюсь
и скроюсь.

ВЕРУЮ

* * *

Евангелие от Иоанна: в начале, мол, было Слово
(апостол из Галилеи, слог его прям и строг).
Понятия неоспоримы, азбука веры сурова:
да, Слово было у Бога, и Слово то было Бог.
В начале – чего? Движенья? Сознания? Что за Слово?
У богослова не спросишь. Знает профессор Смирнов¹.
Он умер. Пока откачали, он был за гранью земного.
Уверен, что приобщился к лучшему из миров.
Прагматик, учёный-физик, до мозга костей безбожник
проверил: там нет пространства и времени тоже нет.
Что истинно или ложно в системе понятий сложных?
Ни дат, ни часов, ни метров, а только счастье и свет.
Профессор решил задачу, не тратя труда и воли,
портал информационный – безмерный – открылся ему.
Вселенная породила глобальное это поле:
там всё, что душе угодно, глазу, сердцу уму.
Очень я благодарна профессору В. Смирнову.
Рассказ учёного веский мне тоже понять помог,
что этот портал вселенский и есть то первое Слово –
причина, первооснова всего – по имени Бог.
Каждому воздаётся по силам его, по вере.
Но гений большая редкость на нашей грешной земле.
Кто страстно призванью предан, тому открывают двери –
как Пушкину, как Энштейну, Плисецкой, Дега, Рабле.

¹ Смирнов Владимир Григорьевич, профессор – занимался космическими проблемами. Учёный с безупречной репутацией.

* * *

Господи, ведь Ты же еси?
Как молил Он: «Спаси! Пронеси
чашу эту, не дай испить!»
Но Ты позволил Его убить.
За грехи людские поганые
предал прямо на поругание.
Знал: стигматы будут на сыне.
А Иуда висит на осине,
и две тысячи двадцать лет
шуршит костями сухой скелет.
Пётр отрёкся трижды – Христос простил,
как и тех, кого Он не спасть просил.
Все на Вечере ели-пили,
даже ноги Ему не помыли,
это Он им ноги помыл –
всем, кого учил и любил.
Храпели потом в Гефсиманском саду,
неподверженные стыду,
а после прощенья попросили
и не повесились на осине.

* * *

Он на кресте терпит адские муки.
Зной на Голгофе, злобные мухи
слетелись тысячами на раны,
чтобы испить животворной праны.
Может, страданья от липких мух
были страшнее кровавых мук.
Но те, кто потом рисовал Его тело,
кинувшись на сюжет оголтело,
изображали из состраданья
дистиллированные страданья.
Ни пота, ни грязи – лишь капли крови
да сведенные болью брови.
Господи, как же был одинок
Твой ребёнок, единственный Твой сынок
и в саду Гефсиманском, и на холме!
Храм Его хранит служитель в чалме¹.
Поутру приходит, гремит ключами...
Двадцать сотен лет нет конца печали.

¹ Ключи от входа в Храм Гроба Господня (Храм Христа Спасителя) принадлежат арабской семье аль-Хусейни.

* * *

Божьего сына в страдания вверг
мир этот грешный.
Можно ль отмыться в Чистый четверг?
Вряд ли, конечно.
В тех головах, что просты и тихи,
мысли теснятся:
если ответил Он за грехи,
надо ль стесняться?
Сыне пречистый, Иисусе Христе,
что тут лукавить?
Муки напрасны Твои на кресте.
Нас не исправить.

* * *

Поплыла бы я отседова
по каналу Грибоедова
прямо к Спасу-на-Крови.
И сидела бы, глядела бы
на палаты новоделовы,
как старушки Богу молятся
со слезами от любви.

И, пока не двину кони я,
подходила бы к иконе я –
Чудотворец Николай!
Напрягать тебя не стала бы:
ты устал от всякой жалобы,
пожалеть обязан всякого,
дай спасенья, пожелай!

Как твой вечный труд представила,
тебе свечку бы поставила,
отдохни хоть полчаса!
Мы ведь, люди, твари вредные,
злые, хитрые, скаредные,
на тебя проблемы вешаем:
– Твори, Коля, чудеса!

Покровитель тех, кто странствует,
над костром в степи шаманствует
или плавает в морях,
проникает в бездны космоса,
теребя мембраны осмоса, –
без тебя они беспомощны,
словно мошки в янтарях.

Остальные, в том числе и я,
недостойны зачисления
в списки самых срочных дел.
Жизнь свою мы сами портили
не на корте ли – на торте ли,
либо всяческие фортели
разрушали цельность тел.

Вот кармическое следствие:
дерзкой жизни соответствие –
слепок нынешней судьбы.
Я терплю покорно хворости,
от ковида да от старости.
Ну а, чтобы до конца брести,
трость имею для ходьбы.

* * *

Гульшат Юлдашевой

Вот я сейчас картинку нарисую.
Сначала в голове перетасую:
букет? портрет? Нет, девочку босую,
пасущую котёнка своего.
Как пел поэт, здесь нету ничего,
что я своим могу считать, всё взято
на время, в долг. И я не виновата,
что подбираю крохи со стола –
что Бог подаст, возьму и нарисую.
Стараюсь передать весны красу я
и листопада, и Его в саду,
предчувствующим близкую беду..
Два сильных дня есть для меня в году:
когда зажгут на Рождество звезду,
что достаёт лица мальчика лучами,
и сад, где на коленях Он в печали.
А в дни другие я имею право
писать смешно и рисовать коряво.
Ну вот сейчас водички принесу я
и акварельку быстро нарисую.

ИГРА В СЛОВА

* * *

У меня внутри стихи.
Тихо спят, как листья в почках.
В одичалых одиночках
не грехи – одни стихи.

Неохота ворошить.
Пусть сидят, как мыши в норках,
в темноте, на старых корках.
Мало выжить. Надо жить.

У меня стихи на дне.
Может, просто я шкатулка?
Но нейдёт из переулка
вор с отмычкой ко мне:

там лежит не бриллиант,
совершенно очевидно.
Это даже не обидно,
что запрятан мой талант.

Слов несказанных полно.
Просвистят, как ветер в поле...
Зарифмуешь шёпот боли,
и в шкатулочку, на дно.

* * *

Так странно голос обрести –
как вынырнуть на свет из темени
и по сусекам поскрести,
где ждут притихшие до времени
слова. И вынести в горсти,
и тихо вслух произнести,
из звуков смысл произвести –
так разрешаются от бремени.
Катрены к свету поднести:
как слабы, Господи прости –
из передержанного семени,
оно простыло до кости.
Пытаюсь рифмы разгрести,
нешадно Даля потрясти,
найти глагол, пригодный к стремени,
и дальше кружева плести.
Уже дыру пробила в темени,
мечтая чёткость обрести.
Словарный идол, отпусти
меня с добычей из племени
и прежние долги скости!

* * *

Моей племяннице Жанне Файсхановой

«Как... ну вот как приходят стихи?» – спросила Жанна.
Сами явились. Откуда? Мне тоже странно:
их нашептали, моей рукой накропали,
или нирвана, ночная фея дивана,
наворожила, чтоб строчки сквозь сон проступали?
Были со мной недолго, теперь пропали.
Будто бы дети: им надоело и убежали,
некому строить катренов дворцы и арки.
Как были брошены, так они и лежали –
всех словарей пленительные подарки,
те, что мне с юности зренье и слух ублажали.
Кубики с рифмами, груды метафор, литоты
враз в черепки превратились, в щепки, в обрубки.
Ими уже не заполнить лакуны, пустоты,
будто бы вынули смысл, как ядро из скорлупки.
Баста. Табу на строительные работы.

* * *

кисточку в правой руке держу
старюсь чтобы не криво
в краски макаю цветы обвожу
контуром тонким за тоном слежу
и потихоньку счастливо твержу
Господи вот спасибо
когда наступили кромешные дни
когда не видна дорога
когда все кричали распни распни
ты подтолкнул а возьми рискни
выбери кисти картон и дерзни
а я помогу немного...

* * *

Потеряла нынче страхи я:
разлюбила Амфибрахия.
Мучим ревности химерами,
тычет мне он в нос примерами.
поминает, порой зверея,
утром Ямба, в обед Хорея.
заодно Анапеста с Дактилем –
каждого считает предателем.
Всех нашёл впопыхах
в моих стихах,
и теперь обвиняет меня в грехах.
Изменяет, мол, подлая, бесконечно,
а это бесчеловечно.
Да не дрожи ты душевным фибром:
я не увлечена Верлибром.
Но в свой любовный многоугольник
теперь регулярно включаю Дольник –
разносложный ударный Метр –
так объясняет мадам Бель Летр.
И, восхитившись его природой,
наслаждаюсь свободой.

* * *

Боюсь белизны листа, холста.
Их первозданная чистота
ждёт умелой руки,
чтоб точно знали свои места
слова и цветные мазки.
Нужно быстро включать мозги,
а в них сумбур, суета;
порой вообще не видно ни зги.
Но надо из хаоса мысль извлечь,
дать ей возможность лечь,
не оскорбив белизны листа,
не осквернив холста.
И ты кипишь, как плавильная печь.
В топке твоей родимая речь
сгорает, как береста.
Но сокрушается немота
гласной, что осенит уста
после сухого поста.
И если сумеешь её сберечь,
сразу гора с плеч.
А что до красок и до холста –
забудь мастеров великих, сиречь,
позволь от примеров себя отвлечь –
то не твоя высота.
Дай акварели мерцать и течь,
не тщишься случайный момент подстеречь,
когда взойдёт красота.
И если нынче планида не та,
игра всё же стоит свеч.

* * *

Оказывается, можно
писать о чём угодно
легко, неосторожно,
смешно, не новомодно.
Приходят ниоткуда
простейшие слова.
Быть может, это чудо,
а, может, из-под спуда
взошла душа жива...

SUUM CUIQUE¹

* * *

«...мы спрятались в купе и пишем сочи».

А. Цветков

Распишем пулю мы – да, Компьютер?
А интерес у меня марьяжный:
пусть дама третья – тогда адЮльтер.
Второй король – кавалер неважный.

Нет двух семёрок, хозяек в доме,
и мой мизер паровоза просит.
Но комп не может, программы кроме,
а я снесу, как никто не сносит.

Вот так мы с ним коротаем вечер.
Гостей и радостей не случится.
Не то, чтоб было заняться нечем,
но распасам мне пора учиться.

Играть на равных с партнёром дошлым
стараться поздно: он карты знает.
Что было будущим, станет прошлым,
и он на жизнь меня обыграет.

¹ Suum cuique (*лат.*) – каждому своё.

* * *

Жизнь – кладовая, полная сюжетов.
Вот два за шкаф случайно завалились,
возникли в вазе, в письменном столе,
нежданно через много лет явились
виденьями с потерянных портретов,
обрывком слов, фонариком во мгле.
Когда-то было дорого и нужно,
хранимо, словно средоточье смысла;
теперь любви и нежности следы,
чей аромат давно угас и смылся,
в совок сметаешь щёткою бездушно,
и устраняешь с помощью воды.
Пошарила рукой за переборкой –
там, где ещё ни разу не бывала;
рука, наткнувшись, поняла, что ферзь:
я шахматы когда-то покупала...
Не занялась бы влажной уборкой,
не знала бы, что затаилось здесь.
Надежды, разумеется, соврали:
король корону снял, но не исчез.
Так тет-а-тет ни разу не сыграли –
компьютер предоставил Titan Chess.
С ненужной королевы стёрла пыль:
кончай душить, голубушка.
Эндшпиль.

* * *

Была у нас Тамара Погорелова.
Красавица, отличница примерная.
И что бы Погорелова не делала,
все получалось, будто по заказу.
Был воротник её белее белого.
Решения в тетради были верные –
ни разу не исправлены! Ни разу!
И я была в том классе, Р. Файсханова.
Отличные оценки с перебоями.
Читала всё подряд, порою заново,
и бредила отважными героями.
Носилась вечно в казаки-разбойники,
увлечена любой игрой незнаемой.
Отмыть не в силах были рукомытники
мне пальцы от чернилки проливаемой.
Соперничать с Тамарой Погореловой –
я понимала – дело безнадежное.
Испачкаю то фартук пудрой меловой,
То кляксу посажу неосторожную.
Завидовать – о да! О нет, не грамотам!
Карандашам цветным. Оттенки сложные –
их тридцать шесть. И я застыла прямо там,
увидев в классе счастье невозможное.
А у меня лишь шесть, набор дешёвенький:
не передать оттенка ягод спелого.
Беда в другом – что Витя Шайкин, новенький,
меня не видел. Видел Погорелову.
Красивый, дерзкий, что-то в нём тревожное.
Глаз не сводил он с завитка овсяного.
Потом смотрю: хамло, совсем несложное.
И полюбила Витю Емельянова.

* * *

«Ты сильная! – время мне говорит. –
Ты справишься – мать спасай и дитя!»
Давно мне эти мантры твердит,
чтоб я не сбилась с путя.

Допустим, сбилась, а дальше что?
Кому эти двое были нужны?
Одной лекарства, другой пальто,
простое, не для княжны.

Неидеальная дочь и мать,
тянула свой воз, как могла.
Поскольку некому нам помогать,
откуда-то силы брала.

И так однажды вошла я в раж,
что до сих пор не сдалась.
Если упрёшься – поймает кураж
и скажешь: жизнь удалась!

* * *

Искусство есть искусство есть искусство...

Иосиф Бродский

со мной однажды было чудо
взялось внезапно ниоткуда
как будто из-за кучи туч
прорезал тьму счастливый луч

там плыли медленные рыбы
чуть помавая плавниками
там льдов торжественные глыбы
сосуществовали с родниками
в зелёной патине кентавры
собой фонтаны украшали
цвели оливы пахли лавры
дожди пространства орошали
обычный стол престолом стал
для царственных флаконов длинных
наполнивших цветной бокал
текучей негой ягод винных

в игре случайной светотени
табу не зная и оков
писал творец не знавший лени
шедевр из пары пустяков
мэтр в мастерскую превращает
огромный мир моря и степь
он счастлив и не ощущает
что на него надели цепь

там талия эгейской вазы
и женственные бёдра скрипки

обозначали Музу глазу
без промедленья и ошибки
она творца картин пленила
прелестным обликом и бюстом
но дальше очень грустно было
воспользовавшись пылким чувством
Пигмалиона приучила
«к ноге!» без всяческих затей
десятки милых галатей
так благоверных укрощают
найдя простой к желудку ключ
немедля отключая луч
жизнь примитивно упрощают

история проста и вечна
к творцу слегка бесчеловечна
так часто было на земле
он на цепи зато в тепле
она нежна и горяча
а он тайком из-за плеча
глядит а вдруг из кучи туч
мелькнёт ему знакомый луч

* * *

Пошла гулять. Гляжу, мужик
коляску с ребятёнком катит.
Похоже, к роли не привык.
Нечёсан чуб, небрит кадык,
но гордости на графа хватит.
Неважно – бланш на полщеки:
небось, внушал порядок бабе.
Пускай не ждут его дружки –
баланс он держит на ухабе.
Ну нет одёжек дорогих,
к чему завидовать напрасно?
Всё у него, как у других, –
пацан, коляска...
Жизнь прекрасна!

* * *

Жалею подкаблучников. Они-то, в целом, славные.
Конечно, без наручников, но в доме – нет, не главные.
Послушные, как деточки, которых мама высекла.
Вот из какого тосточка их эта мама выпекла?
Ведь в жизни уважаемы, умны, как менделеевы,
но тайно унижаемы, хотя потом лелеемы.
Ухожены. Встревожены истериками частыми.
Привычно обихожены. Порою даже счастливы.

* * *

Настало время труда и подвига.
Малину нынче я обрезала...
Не знаю сорта, не знаю подвида,
а просто делала, как дочь сказала.

Как восхитительно жить в гармонии
с природой вешней, владеть секатором.
Вступивший в силу закон иронии
порыв опозлил мне провокатором.

Сосед мой громко жену воспитывал.
Она воспитываться не желала.
И поднимала лицо испитое.
и мат ответный соображала.

Он изрыгал сочетанья новые,
она внимала безмолвно милому.
Потом, подняв кулаки пудовые,
супруга била по телу хилому.

Напоминали в час инцидента,
приняв, похоже, кило и триста,
она – «Любительницу абсента»,
он – в дупель пьяного «Гитариста».

И вдруг исчезли из виду разом,
Как будто дружно словили пули.
Нет, то не жизни прощальный спазм,
а просто рухнули и уснули.

* * *

Стоит и ждёт: сейчас будет свет.
Ему же выделили билет
туда, где счастье и где гора
со светом. Это было вчера.
А горы-то нет и света нет,
и недействителен тот билет,
бесполезна липовая печать.
И стал он печалиться и кричать.
Мол, пойду на войну, пусть меня убьют.
там враг сегодня ужасно лют.
Я буду лежать, красивый такой,
и снизойдёт на меня покой...

Под пули лезть – не надо ума.
Добудь свой свет, чтоб исчезла тьма.
Другого выхода просто нет:
или ты мрак, или ты свет.

* * *

Не будем кваситься,
а будем краситься!
Не для знакомых,
не для коллег,
а потому что
мы – человек.
И станем счастливые,
потому что красивые!

БЫЛА ЛЮБОВЬ

* * *

Мудрец сказал: «Прощаться нельзя,
иначе будет беда!»

А у поэта иная стезя:

прощаться, как навсегда.

Тот боится разлуку навлечь,

ведь так завещал пророк.

А этот старается уберечь

от гибели сулящих дорог.

Но не дано ничего спасти,

как в вечность ни уходи.

Один ушёл, не сказав прости,

другой не прижал к груди.

Каждый из них покоя лишён,

спасенья не раздобыл.

Один тоскует, что молча ушёл,

другой – что обнять забыл.

А тем, кого настигла беда,

не удалось понять:

как мог молчком уйти навсегда?

как мог навек не обнять?

* * *

А.Н.

а давай это будет море
чтоб в волнах мы стремглав летели
не за катером на верёвке
а свободно как в 20 лет
словно в радостный пик лав стори
не утратив сил и сноровки
мы летели куда хотели
зная точно разлуки нет

нет пускай это будет небо
чтоб ныряли в него как рыбы
чтобы вместе потом могли бы
плыть наверх где висит луна
пусть звучит смешно и нелепо
я за всё говорю спасибо
и луна теперь как плацебо
и микстурю тишина

* * *

Неужто снова люблю... Молчу. Не знаю.
Тянусь, как лодка вслед кораблю. Босая
Иду след в след, чтоб видеть то фас, то профиль,
Уж безусловно не Фантомас – но Мефистофель.

Плетут на окнах сквозной узор лёгкие тени.
В саду поёт насекомий хор. Из сновидений
не выйдет царственная луна, растают звёзды.
То mea culpa – моя вина. Казниться поздно.

* * *

Я сама себя виню.
Я сама себя казню,
Но, однако ж, поведенье
Нипочём не изменю.

Я грехи свои коплю.
Я сама себя гублю.
И, наверно, к воскресенью
Я сама себя спалю.
Боже правый, я ж люблю!

* * *

Суров и сумрачен мой мужчина,
закрытый накрепко изнутри.
Не выясняй, каковы причины.
Не говори. Затаись, замри.

Дождись, когда Большая Медведица
звёзды выплеснет из ковша,
тогда расплавится гололедица,
освободится его душа.

Подышишь в ямочку над ключицей,
пошепчешь тихо: – Живи, живи!
И на рассвете бессонной птицей
тебе ответит голос любви.

* * *

Жёсткий профиль легионера.
Карих глаз нерусский разрез.
Христианская твоя вера...
Мой упрямый Фернандо Кортес
В полосатой тельняшке морской
И в пиратской повязке над бровью.
Нанесённые давней тоской,
Шрамы лечатся только любовью.
Заговариваю и шепчу,
И колдую, и бережно дую.
Я тебя от тоски излечу,
А иначе сама пропаду я.
Потому что, оттаяв едва
После лет одиночества стылых,
Я едва не забыла слова,
Что колдуньи шептали для милых.

* * *

и не любит и не скучает
не ворчит и не поучает
и звонками не докучает
и с работы меня не встречает
и нарядов не замечает
одинокое где-то дичает
но когда на руках качает
любит! любит! скучает!

* * *

Говорю: «Не ревнуй!» и ревную сама,
будто юность вернулась с надеждой и мукой.
Всё известно: окончится счастье разлукой.
Воровство – это значит сума да тюрьма,
даже если диктуемо давней разрухой
в чьих-то судьбах, которым не дали ума.
И себя ощущаю то древней старухой,
что клюкою стучится в чужие дома,
то весёлой, на солнце оттаявшей мухой,
облетающей сладкие закрома.
Но ничто не обходится мне задарма –
и платить по счетам, и мириться с прорухой
я готова. Прочитаны книжек тома.
Там всё те же уроки – с любовью и мукой.
И никто не утешился древней наукой
перед самой последней, горчайшей разлукой.

НА ИЗЛЁТЕ

* * *

Мне снился сегодня один человек.
Так странно – не виделась тысячу лет,
но время от времени, как оберег
является в снах:

– О, привет!

А нынешней ночью сидел он в кафе.
На шпильках иду напрямиком через двор,
как еретичка на аутодафе, –
услышать себе приговор.

Но он не сердит. Он ещё синеглаз,
улыбка, как раньше, и душ родство.
И времени нет, разделившего нас, –
обычное волшебство.

Смотрю на часы: расставаться пора.
Печенье на красную скатерть крошу.
Потом ухожу. Я седа и стара,
и шпилек давно не ношу.

* * *

Маленькая мне в плечо мурлычет.
Половина пятого утра.
Дней моих считая чёт и вычет,
Ангела проснувшегося кличет:
– Что, пора?
– Покамест не пора.

Каждый день живу, про время помня.
Вот зимы заснеженный триптих
светится, но только лишь до полдня.
Ангел, срок мой на земле пополня,
завернулся в крылья и притих.

* * *

Жизнь мелькнула, как скорый поезд,
только брызнул из окон свет.
Вот листаю её, как «Повесть
временных лет».

Править прошлое не дано нам.
Не изменишь – как жил, так жил.
Может, следовал всем канонам,
может, волком был.

Не открестимся: не святые,
кто не грешен – бабке не внук.
Дни минувшие, в жгут свитые,
жгут бедой разлук.

Чистой радостью озаряют,
прежней болью стучат в виски,
укоряют и одаряют
хронологии вопреки.

Старость смотрит: а что нажили?
Деньги? Книжки? Любовь детей?
Индульгенцию заслужили
или сто плетей?

Я плачу по счетам исправно,
не кричу в небеса: «За что?!»
...По канату ходить забавно
без шеста в шапиту.

* * *

*Моему ангелу-хранителю
доктору М.А. Медведеву¹*

Птицы запели в саду.
Жизнь начинается снова
с боли – так мы выходили
каждый в свой час из материнского лона –
с криком: «Вот я иду!»
И утверждались с этого первого слова.
Как же бесстрашно мы в этот мир приходили,
даже не зная – на радость ли, на беду,
как отнесутся к нам, ласково или сурово.

Каждый из нас, кого на свет породили,
носит печать, незаметную из-за покровы
тайны, скрывающей, точно в каком году
нам предстоит уйти, как уходили
все, наплодившие разнообразных племён орду.
И наступает миг подбить итоги былого:
много ли совершили – к гордости или к стыду.

Ломка костей ночами – в ней ничего такого –
так, подготовка к будущему суду,
на который нас никогда ещё не приводили,
и мы не знаем судьбу доброго или злого.
В этой борьбе неравной с болью, в полубреду,
ясно: мы не сдались и опять победили.
Жизнь начинается снова.
Птицы запели в саду!

¹ Медведев Михаил Анатольевич (1957–2021) – выдающийся врач-офтальмолог в третьем поколении. До последних дней заведовал кафедрой офтальмологии Кыргызско-Российского Славянского университета. Спас мне зрение, и стала я его звать ангелом-хранителем.

* * *

Как будто всё идёт, как надо:
такие бури пережиты,
такие страсти позади,
и нет давно в душе разлада,
её не мучает досада,
что всё могло не так пойти.
Уроки долго я учила.
Терпенье сделалось привычным,
и это странно ощущать.
Такая воспиталась сила,
что многое теперь простила,
чего не мыслила прощать.
Казалось, дерзкая природа
устала, к неге потянулась:
настало время увядать.
Но завожусь с полоборота,
но справедливости охота
и Барселону увидеть!

* * *

Люстра моя винтажная
выглядит, как бумажная.
Сервизы тоже винтажные,
а были же авантажные.
И стеллажи винтажные,
но книги в них не муляжные.
Шубки мои винтажные
нисколько не эпатажные.
Дом мой вполне винтажный
много лет непродажный.
В этом правда сермяжная:
я и сама винтажная.

Но если смотреть внимательно,
многое замечательно.
Первое – Пушкин Саша –
Пожизненное. Всё наше.
Дочка с семьёй. Внуки
постигают жизни науки.
И друзья мои самолучшие,
и враги неминуемые.
Краски мои и кисточки,
кот, две милые кисочки.
Пёс, почти говорящий,
глаз у него горящий.
Герани на подоконнике,
на Фейсбуке поклонники.
С десяток колец и брошек
и брюки в мелкий горошек.
Суммируем обе части –
Боже, да это счастье!
Так себе говорю
и в зеркало не смотрю.

* * *

У меня без конца пропадают носки.
После стирки всегда одного не хватает.
Может, скучно и грустно носкам, и с тоски
много лет уж носки у меня улетают.
Я живу не в квартире – а в доме никак
без носков каждый день обойтись невозможно.
Но носки, будто птицы, сбиваясь в косяк,
улетают. Потеря-то, в общем, ничтожна,
но, оставшись без пары, сложившись в пакет,
полосатые, пёстрые и голубые
тихо ждут от собратьев хотя бы привет.
А в ответ им из космоса:
– Чао, родные!

* * *

Время сломалось. Недели – со свистом.
Куда летим?
Когда-то мы наслаждались твистом.
Сидим. Едим.
Это от возраста, не от лени.
То позвоночник достал колени,
то достаёт давление уходящее поколение.
Ещё не ушли.
Преодолели вниз ступени. В землю вросли.
Крепче стоим, чем молодые, – лысые да седые.
А они – лохматые, весёлые да богатые,
хотя и бедны.
Жалуются. Не знают, как холодны
закаты, которые им не видны,
труднее рассветы, короче ночи.
Знайτε прикуп.
Живите в Сочи.

* * *

Быстро жила – ждать не могла,
боялась, чтоб мимо судьбы не прошла.
И ошибалась, и расшибалась,
и, постигая азы ремесла,
как паровоз, дымила.
Грешила, не тех любила,
мужей теряла, дитя растила.
Кого обидела, кого простила.
Спешила, делала так, как решила,
своенравной была, редко врала,
надо почаще было.
Дочка внуков мне родила.
Моргнуть не успела, старость пришла.
Я же полной свободы ждала –
наконец получила!
Миновал испытаний горнило,
потихонечку поплыла.
Жизнь медлительностью пленила,
чтобы каждый свой день ценила –
вот что я поняла.
Но обожаю в кино движение,
страсти, взлёты и поражения.
Так я раньше жила.

* * *

Если ночами орут коты,
а днём много разных птиц,
нет ощущения пустоты
без смысла и без границ.
Сад собирается зацвести,
пёс скачет перед крыльцом.
А я на дорожке, как травести
с немолодым лицом.
И те, кого не хочу сама
тревожить в утренний час,
чтоб я без них не сошла с ума,
сейчас позвонят... сейчас.

* * *

В доме рушится всё подряд:
машинка, тостер, чайник, замки –
как будто бесы правят обряд.
Мелкие пакости не бодрят.
Жизнь рассыпалась на куски.
Просто достали тупые ножи.
Бороться с хаосом нету сил.
Вдруг раздаётся: «Ты полежи,
не злись, не гневайся, не блажи», –
кто-то вежливо попросил. –
«Система вышла из берегов:
у энтропии такой закон.
Не обвиняй в проблемах врагов –
нет защиты от дураков.
Так повелось испокон.
Ты сейчас водички попей,
ящик включи, посмотри кино.
Проблемы, приставшие, как репей,
пустяшней покажутся и глупей.
Иди посмотри в окно».

Да что за советы, зачем кино?
Что за глупости говорят?
На кой мне надо глядеть в окно?
Впрочем... я не смотрела давно
в маленький тихий сад.
А там спокойствие, благодать.
Греет солнышко, и пчела
глаза открыла, хочет летать,
крылья размять и нектар собрать –
фиалка вон зацвела.
Солдатик ползёт по своим делам,

Вдали зеленеют холмы.
Природа уничтожает хлам
и скоро весна победит бедлам,
оставшийся от зимы.

От хаоса в жизни одна тоска.
Себя я нынче не пощажу:
бедлам одолею ударом с носка,
а до тех пор – ни еды куска,
ни из-под крана воды глотка!
Вот только чуть-чуть полежу...

* * *

Какие мы старики отчаянные
и до чего же мы все доверчивые.
К последней гавани своей причаливая,
прощальный круг второпях очерчивая,
живём, как будто и правда вечные.
Читаю чисел скачки беспечные,
обычно нами не замечаемые:
микроволновый экран высвечивая,
короче делают нескончаемое
и сокращают «езду в незнаемое»,
нам ноль на финише обеспечивая.
Пусть порою тем опечаленные,
что жизнь такая бесчеловечная,
уже усталые и измочаленные,
копя не муки свои сердечные,
а сердцем мелочи отмечаемые,
в конечной точке пути встречаемые,
знать не хотим, что она – конечная.

* * *

Опять выламывает суставы
звериной лютости нежность боли,
не помогает втирать составы –
сирень на водке, лопух, крапива.
Смычок в оркестрике былой надежды
уже не требует канифоли.
Пора готовить себе одежды,
чтобы хотя бы уйти красиво.
Но в пять дрозды прочищают связи
и поначалу свистят чуть слышно.
Потом сигналият: снимать повязки,
смывать под душем ночные бредни!
Светлеет небо, исчезли тучи.
Уже и солнце на четверть вышло.
День наступает – не самый лучший,
но, будем думать, и не последний.
И возвращается жить привычка:
кормить зверьё, полоскать посуду.
И дочке плакаться неприлично,
когда звонит из далёкой дали.
Про стариков же никто не пишет –
непоэтично. А я вот – буду.
Пусть видим хуже, пусть нас колышет.
Но нас сковали из крепкой стали.

* * *

порой зажмёт отчаянье в жестокие тиски
измучает бессонница усталые виски
а дни пересыпаются как серые пески
читаю из Овидия прелестные куски
гляжу как пробиваются зелёные ростки
и после рисованием спасаюсь от тоски
вниманья звери требуют еды с моей руки
жизнь движется а горести всего лишь пустяки

* * *

стерва старость припёрлась на лапах хромых
хрипло дышит и лупит под дых
в нашей азии нет эвтаназии
это плохо придётся теперь
потихоньку терпеть
ждать годами okazji
слыша сентенции
о деменции
в ожидании похорон
где ты бродишь Харон

* * *

Лучше болеть, когда нет вокруг
ни родных, ни сиделки.
Книжка как спасательный круг,
кошка в качестве грелки.
Диван, озноб, то сон, то нет,
лимон, кипяток с малиной.
Конечно, осень. Но в окнах свет
и горлинки прочерк длинный.
А завтра снова свет. Или снег.
Я щели все укупорю,
и поплывёт мой тишайший ковчег
по чистому белому морю.

* * *

Уходишь, как ночью поезд, в глухую темень.
Вернёшься, нет ли – не говорят врачи.
И только капли в трубке бегут, как время,
а ты – как Емеля в беспамятстве на печи.

Потом сквозь толщу веков, со дна океана,
твоё бессознательное будет искать себя
незнамо где – небытие? нирвана? –
всходить сквозь камни, на атомы их дробя.

Миг пробужденья, проблеск отождествленья:
видишь неясно, слышишь издалека.
Хочешь назад, в туманный бред наважденья,
да не пускает злой медсестры рука.

Она говорит, что ты ей читала Блока
(тупо не помнишь), она, как и ты, из Тюпа.
В вены текут микстуры от здешнего бога,
чтоб утром тебя легко отличить от трупа.

И наконец наступает боль. Но терпимо –
гораздо легче, чем переход с того света
(какой там свет – там тьма непреодолима) –
выигрыш по трамвайному билету.

И с энной суммой будущих лет в копилке,
спишь без конца рядом с котом лечебным.
Жизнь не в пикЕ, а, как ни странно, на пИке –
с чаем лимонным, с дымом вполне целебным...

* * *

Стала долго не спать ночами. Думать –
что подарит нам день вначале? Дунуть
хочет ветер лютый, нагнать снежище,
чтобы всех загнать из пурги в жилище?
Или солнце проснётся, щеки коснётся –
значит, жизнь очнётся и покачнётся,
и отчалит смело от старых сходней,
чтобы стать отчаянней и свободней.
Мне-то поздно, но, стоя на берегу,
ветра в снасти вам пожелать смогу.

ВВИДУ КОВИДА

* * *

Назад не хочется в СССР.
И здесь, сегодня – не очень тоже.
Болезни роста – другим пример:
так выползают из старой кожи.
Проблем до чёрта, конца не жди –
на поколение внуков хватит,
поскольку нынешние вожди
не созидают, а только тратят
на баб, на имидж да на войну.
Надежда только на поколение,
что приподнимет с колен страну,
респект заслужит без поклонения.
Но наблюдает за суетой
шутник за облаком, он играет
ва-банк, и наш запас золотой
его смешит и не напрягает.
Ещё он петлю не затянул,
создавши нас по своим лекалам,
вот только вирус к нам заглянул:
Господь развлёкся таким макармом.

* * *

Соседки поёрлись с торбами
затариваться продуктами.
Пришли времена недобрые,
следует сделать запас.
И вот закупились, гордые,
водкой и сухофруктами,
рисом, гречкой и воблюю...
Толпы стоят у касс.

Здесь же старухи старые,
кожа тоньше пергамента.
Верили в Бога, в Сталина
и поднимали страну.
Теперь не надобны стали вы.
В награду вам от парламента
милостыню предоставили –
прожить неделю одну.

Бабушка Катя мается:
денег кошка наплакала.
И попросить стесняется,
и что-то же надо брать.
Сечки, картошки, маслица,
уже не того, что лакомо.
С пенсии обещается
всё до копыя отдать.

* * *

Пришла беда.
Затворяй ворота.
Если есть еда,
если есть вода,
то беда ещё не беда.

У кого нет еды –
дождись лебеды.
добавь к ней воды –
чем тебе не еда?
Ничего, что худа
старушка, не молода.
Ей теперь за труды –
пучок лебеды.

Говорят господа:
«Есть мука, да!
Раздадим по четыре пуда!»
– Кому раздали, когда?

Молчат господа.
У каждого родственников орда,
вот и раздали туда.
Есть задание от COVIDa:
без особенного труда
сплавить старье незнамо куда,
без стыда и суда.
А если нет у старья еды,
пусть сгинут все, незнамо куды,
чтобы ветер замёл следы.

Но старые, ничего не боясь,
лопатой корону на вирусе: хрясь!
И корона падает в грязь.
Ясно, вирус они победят
и чего-нибудь поедят.
И скажут потом:
– Эй, господа!
А ну, пойдите сюда!
Каждому отсидеть года –
таков вердикт суда.
И пусть вам достанется из еды
кружка воды
да пучок лебеды!

* * *

Надо сегодня раньше сходить за солью и хлебом.
Чтоб в магазине одни лишь кассирши в масках.
Время такое, что былъ похожа на небыль:
шаг за черту – погибель, как в страшных сказках.

Время такое – повальной паники и истерик.
На удалёнке, дистанционно все всех пугают:
– Вон, поглядите, от Индии до Америк
Южной и Северной – люди вокруг погибают.

Кто это горе-злосчастье выпустил из пробирки?
Вряд ли история выкопает детали.
Время такое – в семьях разборки, притирки.
Будто на крепость или на вшивость нас испытали.

Верящий просит у строгого Бога прощенья,
больше ни разу не согрешить обещает.
Но не Прощёное завтра у нас Воскресенье.
Кто-то набьёт мошну, кто-то совсем обнищает.

Может, планета вконец озлилась, нас наставляет?
Что для царей природы вывели весталки?
Выжить стремимся, но опасение не оставляет.
Это пройдёт. Ведь всё проходит – не так ли?

* * *

Отмечаю нонпарелью:
занималась акварелью.
Пахло прелью и апрелью,
а сейчас царит веселье:
соловей зашёлся трелью –
за окном зелёный май.
Зацветёт жасмин наутро:
куст в тумане перламутра.
Поступай, прохожий, мудро:
крупных веток не ломай,
в изоляцию хромай
с хрупкой веточкой прекрасной.
Жизнь трудна, но не напрасна
и не так уже ужасна,
ведь не ад, хоть и не рай.

ЮБИЛЕЙНЫЕ И НЕ ТОЛЬКО

* * *

Сашеньке

Боль скрутила, жёстко взяла в тиски,
что могло дитю угрожать.
Попросила мужа: «Лови такси!»,
и поехала я рожать.
Поняла: в роддоме суровый нрав,
тут терпи уже, не дрожи.
Нянька сунула мне сорочку, сказав:
«Ну лежи тут, воды держи».
Как держать, неясно. Она ушла.
Начала я схватки считать.
А потом орала она со зла,
что залили воды кровать.
А в родзале врач за своим столом
в книжку нос уткнувши, сидит.
На соседнем кресле аврал, облом –
мне-то видно: сейчас родит.
– Эй, – кричу, – скорее вы, наконец!
Там уже головка видна!
Моментально на свет явился малец.
Девятого пацана
родила и плачет: «Муж дочку ждал,

но у нас мальчишки подряд.
Раз за разом он ей рожать приказал.
Снова сын – ну кто ж виноват!»
До чужих проблем мне уж дела нет
(тётки воют, своих мужиков кляня).
Я тружусь молчком, чтоб на белый свет
Появилась дочка моя.

Детки все кричат, а моя глядит
со своих надмирных высот
– Героиня! – медсестра говорит. –
Девка весом три восемьсот.

Будто всё вчера... а ведь жизнь прошла:
седину уж некуда деть.
Дочка чудных внуков мне родила.
Мне б на правнука поглядеть.

* * *

*Сестре моей
Розалии Угловской*

я люблю восхищаться людьми чьи таланты
не признали ещё никакие жюри
на плечах своих держат как будто атланты
беззащитный наш мир от зари до зари
невзначай так обычно случается чудо
что синонимом Бога заходит в дома
оживает надежда на то что покуда
ты жива будет пища для чувств и ума
и когда заливает полкомнаты утро
расписав потолок кружевной листвой
ты поверишь что чудо устроено мудро
и уснёшь на ладошку упав головой

4 июня 2016 г.

* * *

Александр Киму к 75-летию¹

Ранняя осень. То свет, то тучи.
Жив ты, и Анна жива, и дети.
Ты не хороший, ты просто лучший.
Мало встречала таких на свете.

Твой юбилей. Через муки – выжил!
Вкладывал душу в любое дело.
Наглые банды рвачей и выжиг
рвутся загрызть тебя оголтело.

Бездарь таланту простить не может.
Другом казался тебе предатель.
И поделом его зависть гложет.
Ясно ничтожеству: **ТЫ** – созидатель.

Бог твой – работа до одуренья,
боль и любовь на твоих скрижалях
Сколько садов – твоих рук творенья!
Где бы ты ни был, везде сажал их.

Ночью мне вас во сне показали.
Радость, как будто свиделись очно.
Главного не увидишь глазами –
зорко лишь сердце. И это точно.

¹ Александр Александрович Ким – крупный предприниматель, высочайший профессионал, лучший организатор газетного дела в Кыргызской Республике. Преобразовал в прошлом крупнейшую городскую газету, создал новую, независимую, поддерживал кыргызские издания. Успешный бизнес неоднократно подвергался атакам за независимую позицию А.А. Кима и наглому рэкету со стороны госструктур.

Вечно не выйдет, но будь подольше!
Dolce ne dolce, лишь бы la Vita!
Сил и терпенья тебе побольше!
Радуйся чаще! Друже, живи ты!

4 октября 2021 г.

* * *

Анэсу Зарифьяну в день 75-летия¹

Годы твои и знакомые даты тасую...
Видно, умыли тебя животворной водой.
Несколько раз я портрет юбиляра рисую,
но каждый раз получаешься ты молодой.

Видно, душе твоей тесно в телесных границах.
Нужен простор и паренье, да к креслу прибит.
Лирик декану мешает на важных страницах,
лирика душит декан занятой и гнобит.

Так разрываешься многие десятилетия:
пишешь, рожаеть детей и студентов растишь.
Словно историк, в тяжёлом бреде лихолетья
факты рифмуешь, не судишь, но зла не простишь.

Чтоб из юнцов изготовить врачей образцовых,
пашешь да пашешь, последний из могикан.
Чем же спастись от мерзостей жизни свинцовых –
юмором едким, стихами ли, матом, декан?

Всё объяснимо: годами копится усталость.
Не поддавайся. Садись за рояль и сыграй.
Так и проскочишь тоскливую станцию «Старость».
В рай ещё рано. А, впрочем, на что тебе рай?

¹ Анэс Гургенович Зарифьян – профессор, декан медицинского факультета Кыргызско-Российского Славянского университета. Почётный профессор КРСУ и ряда других университетов. Ранее – проректор по научной работе Киргизского Госинститута физической культуры. Поэт, бард, автор более 300 песен и 20 книг стихов, в том числе 6 томов современной истории Кыргызстана в рифмах.

Твой юбилей наплодит из бумаг монументов.
В официозе парадном таится изъян.
Важно другое: что в памяти тысяч студентов
будет всегда – Педагог. Человек. Зарифьян.

22 ноября 2021 г.

* * *

Милане Лазариди¹

Не бывала в Афинах, и точно уже не буду.
Об острове Корфу мечтать не стану и о Толедо.
Приласкать гепарда, дельфина обнять – не выйдет.
Не лепить на гончарном круге глиняную посуду.
Поражения все позади, как и все победы.
Разве что научиться и в малости радость видеть.

Между сном и явью то сумрак, то свет теряю,
исчезают краски, не различаю палитру.
Остаётся лишь то, что было в самом начале.
Только Слово, сквозь сон и явь его проверяю.
Заполняют капли забытую всеми клепсидру
и текут рекой, и смывают былые печали.

Половину часов песочных придумал греческий дока,
чтобы время мерить этой самой клепсидрой.
Правда, время у греков было иное, чем нынче.
Не спешили сшибаться, когда разгоралась склока.
Выступать обожали, вино разбавляли нехитро,
возлежали в термах, суды проводили иначе.

Вот куда завели меня хитрые древние греки.
Жили весело, строили мощно, любили крепко.
И потомкам оставили мифы свои и легенды,
а потом исчезли все, до последнего человека
(Шлиман, гений он, вычислил Трою до мелкого слепка).
И, как символ того, чего нет, – есть «греческие календы».

¹ Милана Исааковна Лазариди – доктор филологических наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета. Директор Центра греческого языка и культуры в Кыргызстане, автор множества исследований и публикаций.

Так что причитать по поводу близкой кончины
это как-то нескромно, совсем неприлично даже.
Есть десяток имен, что прославились персонально.
Не вхожу в их круг, причины нет для кручины.
Мысль, в сущности, верная, хоть и звучит тривиально.

* * *

Ирине Евсе¹

королева детали, госпожа потаённого смысла
как чудесно разгадывать сложные словосплетенья
где обыденный фон с глубиной многослойною слился
и взаимность вершит сочетание ясного с тенью
нет такого ни в чьей поэтической речи уменя
заманить обмануть уколоть подсознание током
запереть красоту в тесном тереме стихотворенья
точно ту что узрел Заболоцкий всевидящим оком

¹ Ирина Александровна Евса – выдающийся поэт, для меня лучший из современных. Автор 13 книг. Живёт в Харькове. Пишет на русском языке. Лауреат множества премий. Первое место в конкурсе «Русская книга» (2016 г.) за книгу стихов «Юго-Восток».

* * *

Ольге Чикиной¹

Вот что сделала со мной
Оля Чикина с Рязани
(там едят грибы с глазами!).
Голос резкий и дурной,
то трагичный, то смешной,
с фистулами и басами –
то ли грешницы смурной,
то ли пьяницы срамной,
горькой бабы со слезами
(их волчата облизали).
Как по уху наждаком.
Как по сердцу кипятком.
Не встречалось мне ни в ком,
чтобы сразу – в горле ком.
Отключаю. Отвяжись,
надоело быть мембраной!
Только мне уже не жизнь
без её манеры странной,
без её дворняги драной,
без иронии с нирваной.

¹ Ольга Чикина – известный российский бард из Рязани. Блестящие тексты, своеобразное исполнение. Её любят в России, Израиле и других странах.

* * *

Александр Никитенко¹

он стоит один у черты
и ему так страшно стоять
от сознания пустоты
оттого что нам не понять
что по эту сторону жизнь

и смертельный холод по ту
я зову ночами
вернись
не ступи
прошу
за черту

Февраль 2014 г.

Ты ушёл. Остались дети, книги,
замыслы, свершённые почти.
Сброшены тяжёлые вериги
бытия земного. Ну, лети!

Нет болезней, холода и жажды.
Нет обид. Покоен. Нелюдим...
А когда ты вспомнишь нас однажды,
знай: мы вслед тебе с тоской глядим.

17 июня 2014 г.

¹ Александр Иванович Никитенко (1948–2014) – один из лучших поэтов-лириков кыргызской земли, непревзойдённый мастер палиндромов, переводчик, автор 18 поэтических книг, член Союза писателей Кыргызстана, известный спортивный журналист. Не успел провести презентацию своей книги «Небо в нас самих», корректуру которой читал в последний месяц жизни. Скончался от тяжёлой болезни.

* * *

Валерию Денисову¹

Тихо тает, худеет, уходит Валера Денисов.
Он сейчас, как свеча, – лёгкий вздох, и погаснет огонь.
Поднимался на пики, водил за собой альпинистов,
был он собран предельно и не был душевно расхристан,
как всегда, в достижении цели высокой неистов.
Но и сильным мужчинам от смерти не выдана бронь.

Он пока ещё здесь – рядом с Людой натружено дышит,
но составил уже завещанье, чтоб было путём.
Небосвод над Валерой предзимними красками вышит,
и последние листья ноябрь за окошком колышет.
И Денисов мгновения жизни на ниточку нижет,
чтоб за ниточку эту ночами держаться потом.

Он себе застолбил уже место – в горах Ала-Тоо,
где покоятся души друзей, их последний приют.
А с любимой жены взял заранее честное слово,
что схоронит в альплагере. Это желанье живого:
там, за гранью, остаться в урочищах рая земного,
где беснуется речка да малые птахи поют.

¹ Валерий Георгиевич Денисов – знаменитый альпинист, внёс значительный вклад в развитие этого вида спорта, туризма и горных лыж в Кыргызстане. Образец мужества и служения своему призванию до последних дней.

* * *

Как ты живёшь в тихом аду,
беды преодолая?
Пусть не спешат в райском саду:
мера твоя – другая.

Знаешь о жизни всё до конца,
ходишь давно по краю,
не примеряя лавры борца,
мужества не теряя.

Кроме тебя – мне врать не резон –
не нахожу примера:
есть человеческий эталон.
есть Денисов Валера.

Но не дано образец скачать
силы твоей и воли.
А на душе у меня печать
доли твоей и боли.

* * *

Михаилу Анищенко¹

То ли пьянство от тоски,
То ль тоска от пьянства...
Жизнь распалась на куски,
и до гробовой доски
горечь окаянства.

Бог поцеловал в висок,
но в больной гордыне
жизни собственной кусок
затоптал в сухой песок,
превратил в пустыню.

Спohватился лишь, когда
Встала над пустыней
поздней осени звезда.
Видишь сверху ли, что да –
Светишь и поныне?

¹ Михаил Всеволодович Анищенко-Шелехметский (9 ноября 1950 – 24 ноября 2012, Шелехметь) – советский и российский поэт, прозаик, журналист. Член Союза писателей России.

* * *

*Доктору Божьей милостью
Михаилу Анатольевичу Медведеву*

Благовещение. Прощание.
Речи слёзные, обещания,
просьбы мягкой, как пух земли...
Берегли, да не сберегли.
И теперь стоим со слезами,
смотрим вслед Вам, Доктор, глазами,
что Вы нам исцелить смогли.
Там не больно теперь. Ушли.
Муки адовы перенесли.
Эти чёрные дни прошли.
Дай Господь Вам светлой дороги
без страдания и тревоги
и земли, как пух, постели!

7 апреля 2021 г.

МОИМ РОВЕСНИКАМ

* * *

Память юности, давних дней
вдруг пробилась вчера нежданно.
Как пленительно несказанно:
Yo te quiero, yo te quiero, Siboney...

На вапоретто плыву в Венеции
Смотрю – корабль голубой, прекрасный.
Сразу песню вспомнило сердце, и –
юность ранняя, тенор страстный.

(Может быть, на заре уплывет на Гавайи
на своём голубом корабле
синеглазый матрос, *Marinai, donne e guai*,
я останусь одна на земле.)

О, как звучало – волной качало.
Глубокий бас – про любовь же снова!
А что на деле обозначало?
Ведь в *Sixteen tons* о любви ни слова!

Нам перевод был не нужен, точно.
16 лет, ну при чём шахтёры?
Какие глупые разговоры.
Любовь, конечно, любовь – и точка.

Так ждали счастья – оно же рядом!
Нас поджидая, глядит влюблённо.
Всех опоили чудесным ядом
Тамэики-но и дэру ё на...

И в чистом свете того луча,
что юность каждую освещает,
не понимали, что означает
Marihuana, marihuana, cha-cha-cha.

Но вот взросление, и поколение
узнало голос Луи великого.
не песня это – судьбы явление:
Let my people go...

Как мы сплавились по тихой таёжной речке на плоту морской авиации

Было дело, по сибирской речке Мане
мы сплавились замечательной компанией:
альпинисты красноярские и здешние –
люди жёсткие, но в глубине сердешные.

Мы приехали на берег поздно вечером,
развели костёр под котелком калеченым,
и на тряпочке, постеленной на лодочку,
разложили снедь да и разлили водочку.

Разбесились детки, воздуха нанюхались,
поздно спать в плоту накачанном поплюхались.
А меня в мешок сложили спать на лапнике
в шерстяных носках да в чьём-то тёплом ватнике.

Я сквозь сон едва веселье взрослых слушала,
потому что рюмку водочки откушала.
А до этих тридцати шести не ведала,
как в нирвану отправляешься отседова.

Раным-рано петухи орать как начали.
По воде как будто рядом: одурачили.
А туман белейший, на ветвях развешанный,
ввысь поплыл, с ультрамарином смешанный.

И по берегу, по зелени, по сырости
сотен пять дождевиков успело вырасти.
Сполоснули люди в речке лица вялые,
чай попили, всё вокруг прибрали малые.

Распрощались со столичными печальями,
плот качнув, столкнули в воду и отчалили.
Ах, как плыли беззаботно, в тихой радости.
Жаль, что птиц в тайге не слышно – нет их в августе.

Ян учил искать грибы в дремучем ельнике –
там на пнях полно опят, да нету беленьких.
Удивлялись сильно альпинисты местные,
что ему грибы сибирские известные.

Днём с огнём у нас дежурные костраторы,
суп варили с вермишелью рестораторы.
Друг на лодке раз на быстрину пожаловал,
наловил нам много рыбы, я пожарила.

Мужики в мои способности поверили,
порулить плотом оранжевым доверили.
Цель наметила, рулю в скалу на отмели.
Эти вовремя очнулись, руль и отняли.

Вечерами приставали к тихой заводи,
мужики рубили лапник к ночи загодя,
С чаем суп, а взрослым стопочку, конечно,
потому что мерзлота, она же вечная.

Вот согреешься, в мешке на ветки свалишься
и в сибирское ночное небо пялишься.
Звёзды крупные, как будто бы в Альплагере.
вот такая удивительная магия.

Как-то днём к речному пляжику причалили.
Без мытья, конечно, женщины скучали мы.
За кустами тут себя до блеска вымыли,
с катерочка у парнишек зенки выпали.

А когда уже домой со сплава ехали,
то полезли за кедровыми орехами.
Грузовик заглох между двумя болотами.
Ян прочёл «Му-Му»¹, она и там сработала...

И потом, когда уже неладно жили мы,
вспоминалось, как по Мане славно плыли мы.
Как тайга по берегам стояла тихая,
как казалось, не узнаю больше лиха я...

¹ Не очень приличная (вернее, совсем неприличная) смешная поэма Яниса Приживойта про поездки на мотоциклах по перевалам Киргизии и про горную богиню Му-Му, которая охраняет альпинистов от всяких напастей. Старшее их поколение об этом знало и всегда просило Му-Му о помощи в сложных ситуациях.

Друзьям живым и ушедшим

«Как хорошо мы плохо жили!»

Владимир Фёдоров¹

Собраться бы, как раньше, –
чтоб Чех и Тега пели,
а Янис взял из кухни
да в лоджию залез.
Седьмой этаж, однако,
но он и добивался,
чтоб все пообалдели,
какой он ловкий бес.

Чтоб Киса спал тихонько,
а Гулька огорчалась,
что спит он беспробудно,
и не скрывала слёз.
Лежит мужик спокойно
и не мотает нервы.
Ты хочешь, чтоб он тоже
из кухни перелез?

Чего ревёшь, дурёха,
ты разве не видала,
что Киса не Баталов –
картавит и седой.
Зато родишь мальчишку
красивого, как Демон,
у Врубеля взгрустнувший,
как Мцыри молодой.

¹ Владимир Григорьевич Фёдоров – российский писатель, известный тележурналист. Много лет работал корреспондентом ОРТ в Кыргызстане.

Кипят на кухне страсти
Колман и Ольга в трансе:
они по-итальянски
скандалят чуть не в кровь.
Но тут приходит Слава
с бутылкою «Столичной»,
всем в рюмки наливает,
все дружно выпивают.
Да здравствует любовь!

А Вадик на диване
блаженствует в нирване,
прищурившись, как Ленин
таких же точно лет.
Тут Ян хватает Ольгу
и кружит в диком вальсе.
Я в страхе замираю:
уронит или нет?

Басит Ашмарин Саша.
Евонная Наташа
за ним следит прицельно
и не спускает глаз.
Как-будто дамы могут
его отнять навечно,
хотя кому он нужен –
такие ж есть у нас.

Чехиня молодая,
вся бело-золотая,
рассказывает людям,
как вылечить детей.
Но тут приходит Алла
Васильевна, конечно,

и всех уже не слышно
из-за её затей.

Ей быстро наливают
и тем усугубляют.
А я прошу, чтоб спели:
уж больно хорошо
пел Чех про бас фугаса,
а Тега – про карету,
зелёную карету,
и многое ещё...

Но этой жизни нету,
и очень многих нету,
а многие по свету
теперь уж разбрелись.
Но подойдёт минута,
и вспомним почему-то
про жизнь простую эту –
прекраснейшую жизнь.

22 мая 2017 г.

ПЕРЕВОДЫ С КЫРГЫЗСКОГО

*Перевести на родной язык с чужого наречья,
как довести до нужного адреса иноземца.
Он объяснит на пальцах, мука нечеловечья.
Чтобы его понять, надо слышать, как бьётся сердце
у того, кого ведёшь ты за руку по дороге.
А он в тревоге – прочла ли правильно карту?
Вдруг вместо Тарту его заведёшь в Урарту
и оставишь стоять одного на чужом пороге.
А ты ему тихо:
– Дойдём, доведу, не бойся,
и башмаков не стопчешь, платья неносишь, старче.
Я – твоё зеркало, не кривое, не беспокойся.
Сам отразишься, лишь краски будут поярче.
В общем, не парься. Я просижу полночи.
Просто доверься, утром прочтёшь, терпила.
Сначала будет неловко, потом приятно. Короче,
ты почти гениален. Я разве не говорила?*

Монастырь

В своём раненом сердце воздвиг монастырь я
И нашёл благодать в нём – приют и покой.
Разжигая душевный огонь, опалил себе крылья,
постигая загадки Души, приложил я такие усилья,
что не раз задохнулся от дыма над тайной строкой.
На земле предостаточно дерева, камня и глины,
чтобы выстроить крепость, дорогу врагу преградить.
Но лишь сильные духом, могучие, как исполины,
могут войны сознания в Блаженство и Мир превратить.
Тот, кто смог поделиться с другими богатством душевным,
кто сумел этот жар разделить и открыть свою тайну другим,
прежде должен себя отыскать под светилом полдневным.
Это трудно – себя раздарить и остаться нагим.
И ни ночи не хватит, ни дня, ни столетья, ни жизни,
чтоб понятия стали всеобщими: совесть и честь.
Сколько кануло судеб и вновь возродилось в Отчизне
переживших изгнания и беды, не вспомнить, не счесть.
И пока воздвигал Монастырь в своём сердце усталом,
и покуда приют и покой я себе не нашёл,
сколько видел чудес, что таились в великом и в малом,
сколько раз задышалась душа в этом мире большом!
Ошибался, сгорал, возрождался по воле Аллаха,
изнывая от жажды, источник не мог я найти.
Я утрачивал счастье, лицо искажалось от страха,
ждал я смерти, теряя надежду до цели дойти.
Моё тело омыто слезами, забыт и недужен,
я соткал себе саван, молитвы, прощаясь, читал.
Но и смерть не взяла мою жизнь, и ей я не нужен,

¹ Нурлан Калыбеков – знаменитый современный кыргызский поэт, председатель Национального союза писателей КР.

да и жизни самой я не нужен, как видимо, стал.
И когда потерял я последнюю каплю надежды,
когда веры лишился, несчастный бездомный изгой,
вдруг возник этот Свет, засиявший прекрасней, чем прежде,
снял оковы с души, и душа моя стала другой.
Снова веру обрёл я, и смысл бытия мне открылся.
Понял я: с сотворения мира намыты шлихи.
Золотой ли крупинкой, цветком ли на свет появился,
лишь в обличье земном я ответить сумел за грехи.
Разве мало того, что я в жизни своей куролесил,
для чего мне грехи поколений семи до меня?
Для чего на себя я грехи этих предков навесил,
разве хватит душе очищающей силы огня?
О, могучий правитель Вселенной, ты строг без уступок.
Твой порядок жесток, но оспорить его не дано.
Ты нам жизнь даровал, но ответить за каждый поступок
пред тобою обязан бедняк или царь, всё равно.
Всё, что делаем мы, в чём грешны, чем опасны,
нам учтётся, и спросится строго за каждый из дней.
Это кара, и мучиться нам предстоит не напрасно.
О, Создатель! Мы все повинемся воле твоей!

Все грехи наших предков семи поколений
и потомков своих все грехи в поколениях семи,
пока живы, несём на себе тяжкий груз прегрешений,
будто мало своих нам – ещё и огромной семьи.
Эй, живые! Пытливо проникните в код мироздания,
подберите ключи, подходящие к тайным замкам.
И постигните истину – мы не простые созданыя,
наша миссия – счастье нести поднебесным мирам.
Соплеменник, ты царь и хозяин Вселенной,
для тебя предназначен высокий заоблачный трон.
Не грехи, не лукавь, и душа твоя будет нетленной
от рожденья до мига, когда тебя встретит Харон.
На скрижалях написано: честно и чисто живи!

Не давай победить себя лжи и наживы закону.
И тогда воцарится вокруг атмосфера любви,
ты заслужишь и Трон золотой, и святую Корону.

В своём раненом сердце воздвиг монастырь я
и нашёл в нём покой и приют.
И, раскинув упругие крылья, оказался почти без усилия
там, где ангелы нежно поют.
Я Всевышнему жизнь посвящаю,
и блаженство нисходит извне.
Пульс Земли, её суть ощущаю,
мир безгрешной душой освещаю –
тем огнём, что даруется мне.
В одиночестве, чист и спокоен,
я живу с просветлённым лицом.
Не монах, не злодей и не воин, высшей почести я удостоен
справедливым небесным Отцом.

Хозяин

Я повинуюсь одному тебе.
Тебе лишь я один и повинуюсь.
У остальных другие боги есть –
хозяева, которых знать не знаю.
Мой повелитель – ты, даруешь смысл
земному моему существованию.
Идеи, что рождаются в мозгу,
эмоции и память – это чудо,
связавшее магическим арканом
нас с предками, которых ныне нет.
О, этот узел трудно разрубить
и, к счастью, волшебству конца не будет.
Хозяин мой, не плачь и не горюй
о том, что ты совсем один на свете.
Смотри, каким богатством ты владеешь:
вот горы, реки, пастбища, леса,
есть Солнце у тебя, Луна и звёзды,
бесчисленное множество Галактик.
в руке сверкает дивно Млечный путь.
А вот твои создания живые:
плывут, летят, стрекочут и поют –
да разве ж ты один, Хозяин мой?
И не забудь, что у тебя есть я –
твой сын, твой раб, наперсник, верный друг.
Не плачь, я слёзы вытру со щеки.
Я знаю, сколько сил ты положил,
чтоб нас создать подобными себе.
был труд тяжёл, и ты ночей не спал.
И только лишь любовь и вдохновенье
позволили тебе осуществить
твой гениальный замысел. Бывало,
тебе мешали огненные силы,

но не смогли тебя остановить.
Ты видишь результат – не все верны
тебе остались. Кто-то отвернулся.
Ты не остановил их. Не оставил –
жалел тогда, жалеешь и сейчас
своих детей потерянных, заблудших.
Ты знаешь, что они ещё вернутся.
Печалиться не надо. Я с тобой.
Давай с тобою рядом посидим
на ложе из цветов и трав полночных
в Саду стихов, который ты взрастил.

* * *

Я виноват, быть может... Вы простите
за то, что я родился человеком,
живу среди вас и воздухом дышу,
который нужен вам, за то, что съел
пуд вашей соли, так и существую.
Останусь с вами рядом до конца,
пока не выйдет срок и капля жизни
не истечёт из слабых жил моих.
Такой же, как и вы – смотрите сами:
одет, как вы, и ем, и пью, как вы.
Быть может, вы немного побогаче,
а я одет попроще, скучновато,
но, в сущности, я разницы не вижу.
Есть среди вас и те, кто обозлён,
меня терпеть не может – ваше право.
И вы меня простите. Нет вины
у вас передо мной: другие взгляды
и мнения другие. Даже звёзды
на небесах по-разному горят.
Бывают в жизни трения и споры,
непониманье. Мать, отец, родня,
друзья, жена – быть может, вы стыдитесь
моих поступков, трудно вам со мной? –
И вас я о прощении прошу.
Простите, дочь и сын. В безумный мир
я вас привёл. Виновен перед вами.
Простите все, что среди вас живу –
чужой среди своих и посторонних.
Быть может, появился я на свет
внезапно и случайно, как комета,
что чертит след на небе тёмной ночью.
Я в этом мире странником живу
и не могу никак к нему привыкнуть.
Простите...

Благодарение

Я не ведаю, что это было –
то ли молнии яркий зигзаг,
то ли сгусток огня неземного
поразил меня в самое сердце
и ударом расплавил мой мозг.
Не сгорел я. Палёным не пахло,
и в меня словно Космос вселился,
я же сам со Вселенною слился.
От восторга, что в душу проник,
впал я в буйство веселья и смеха.
Анфилады нездешних миров
открывались пред внутренним взором.
Сотни Лун и бесчисленных Солнц
предо мной проплывали, как в яви.
Они множились, строясь в ряды.
В волосах моих звёзды сверкали,
с моих пальцев стекали, как капли,
мириады мельчайших огней.
А вокруг меня, рядом и сверху
разлетались небесные сферы
и орбиты бессчётных планет
открывались – как наша Земля
и совсем незнакомые земли.
Словно сказочный дивный клубок
перед взором моим распускался,
если нить я слегка шевелил.
Много видел я разных зверей –
и прекрасных, и дико ужасных,
что летали, ползли и скакали.
Из прозрачных родясь родничков,
ручейки по теснинам струились.
Океаны, сродни небесам,

по-хозяйски царили во мне,
мою сущность собой наполняя.
Там, в духовной моей глубине,
заседали Всевышний и Боги –
при закрытых дверях восседали.
А какие проблемы решали,
не открыли мне. Тайною мучусь...

В Ала-Арче

Судьба была безжалостною к нам.
Жизнь нашу поделила пополам.
Мы с девушкой моей стихи писали
И душу нараспашку открывали.

Мы были словно Алыкул¹ с Айдай².
И если бы сказала: «Жизнь отдай»,
Не стал бы медлить ни секунды я:
– Возьми, владей, красавица моя!

Так хороша, нежна была она,
Как будто в мае полная луна.

Мы с ней к поэту на могилу шли,
Цветы, стихи от сердца в дар несли.

Пусть жизнь его печальною была,
К высотам духа нас она звала.

Живые, видя девушку со мной,
Немели от её красы земной.

И поднимались даже из могилы,
Чтоб только посмотреть на образ милый!

Уединённым было место встреч,
Мечтали там свою любовь сберечь.

От глаз людских завистливых и злости
Приют мы находили на погосте.

¹ Алыкул – знаменитый кыргызский поэт, драматург, переводчик.

² Айдай Жигиталиева – первая любовь Алыкула, его Муза.

Не грело солнце памятников холод,
А мы могли – поймёт нас тот, кто молод.

Сердца стучали дружно в унисон.
Мечты о счастье, словно сладкий сон!

Там призраки туманные витали,
Как будто бы за нами наблюдали.

Вдали мерцали странные огни,
Нам о беде сигналили они.

Но кладбище ещё не стало домом,
А было местом тихим и знакомым.

Ещё смертельный холод не душил –
Мы жили в напряженье юных сил.

О бедствиях и думать не хотели,
На крыльях счастья и мечты летели.

Считали мы, наивные, конечно,
Что жизнь такой прекрасной будет вечно.

Кто чёрный знак поставил на надеждах?
Быть может, тени в призрачных одеждах...

Повинны призраки, что счастье не сбылось? –
Мне до сих пор узнать не удалось.

Как жаль мне чувств, что набирали силу,
Но рухнули в разверстую могилу...

Тоской и одиночеством томим,
Сижу я там, где нежно был любим.

Здесь Алыкул в могиле без Айдай...
И слышу я:

– Попробуй угадай,

В какой из дней прервётся жизнь твоя?
Когда закроет саван твой земля?

И вновь надежда сердце согревает.
Я слышал, что порою так бывает:

В надлунном мире заново влюбились
Те, что в подлунном мире разлучились.

Неужто я с Айдай увижусь вновь
И вспыхнет снова прежняя любовь?

* * *

Цену смерти лишь тот, кто стоял на краю, познал.
Цену пище лишь тот, кто голодным бывал, познал.
Цену чувству любви лишь тот, кого не любили, познал.
Цену дружбы лишь тот, кто был предан не раз, познал.

Цену смеху лишь тот, кто печален всегда, познал.
Цену юности только проживший свой век познал.
Цену здравью тот, кто давно нездоров, познал.
Цену боли людской лишь имеющий сердце познал.

Цену лепету детскому только бездетный познал.
Цену счастью семейному только лишь мудрый познал.
Всё, что можно постигнуть умом, человек познал.
Но родителям цену никто до конца не познал.

Автопортрет

Кто ты такой?
Откуда держишь путь?
Куда ты направляешься сегодня?
Ты, право, непонятный человек.
Всё для тебя старо,
нет новизны ни в чём
и даже боги не авторитеты.
Живёшь ты без идеи, как босяк,
чьи ноги топчут слипшуюся грязь,
а мысль витает в белых облаках.
Там твой приют и родина души.
А те, кто в высоту не залетает,
как куры, что клюют зерно с земли –
ту долю, что назначена тебе –
и головы наверх не поднимают,
они к себе гребут, ведь всё живое
обычно лапой делает к себе.
Всё, кроме чудаков таких, как ты.
Кто ж ты такой?
Упрямый одиночка,
которому в людском скопленье душно?
Ты мог бы, словно мудрый вещей старец,
паломником бродить из края в край,
подняться на вершины Гималаев,
чтобы оттуда оглядеть весь мир
и, словно ветер с этих гор небесных,
слететь к вершинам гор в родной стране,
овеять камни древние дыханьем,
припасть щекою к этим грубым скалам,
как будто на любимую подушку,
которой мягче в целом свете нет.
А если встретишь ты в пути бродяг,

что много лет скитаются без дома,
они тебе тебя в тот миг напомнят –
такие ж неприкаянные души –
и трудно будет слёзы удержать.
Что ж ты за человек?
Готов за горло
схватить бездушных бонз, царей, псарей,
гнать по широкой улице плетью
и выкинуть их голыми на площадь.
Ты – не Фемида, но твои весы
могли бы точно всех уравновесить,
ты мог бы справедливости добиться,
сбить спесь с богатых, бедных поддержать.
На бранный мир ты смотришь неподвзято,
блеск роскоши претит твоим глазам.
Нет для тебя вождей и вожаков,
по чьим следам ты шёл бы в упоенье.
Ты равнодушен даже к божествам,
которым поклоняются другие.
Упрямец, ты не слушаешь советов
и делаешь, что в голову взбрёт,
не ставя в грош общественное мнение.
Ты высоко летишь. Но позабыл:
чем выше, тем больнее будет падать.
Кто ты такой?
Когда тебя не станет?

Плач

Где ты, моя любовь? Тебя забыл.
Всё, что любил, однажды я забыл –
и родинку, и водопад волос.
И от тоски, как дикий зверь, завыл.

У осени один хозяин – дождь.
Идёт весь день, и солнца ты не ждёшь.
Потом приходит снег – владыка льда.
А я – владыка океана слёз.

Где ты, душа моя? Душе моей
ты освещала бег счастливых дней.
Нас всемогущий Бог не смог понять,
он ствол и крону вмиг лишил корней.

Уже к концу моя подходит жизнь.
Я до сих пор прошу тебя: «Вернись!».
Земля не распахнула мне объяття,
я до сих пор ничком не рухнул вниз.

Бреду, как тень, по тёмному пути.
Здесь никого живого не найти.
Я, как скакун, который жизнь утратил.
О, Боже, помоги мне к ней дойти!

Какое счастье встреча – не сказать,
словами невозможно описать.
Приди к могиле, где я похоронен,
чтоб там платок на память завязать.

Внушение

Я говорю тебе
и тем, кто раньше был,
и повторить могу неоднократно:
«Я здесь, я есть, я буду постоянно
и не исчезну. Кинь меня в огонь,
топи, терзай, на атомы кроши,
попробуй отравить – всё бесполезно,
и ничего не выйдет у тебя.
То вещество, что сути естество,
материя, которой сносу нет,
она извечна и неистребима!
Я не гнию, меня не будет мало,
убить, прогнать, утратить невозможно.
Могу я пребывать одновременно
в мирах различных, принимая форму
вещей полярно противоположных.
Есть я покуда, значит, есть и ты.
Не суждено нам навсегда расстаться,
избавиться навечно друг от друга.
Пугать не надо тем, что ты умрёшь.
Смерть – не предел, ты снова возродишься.
Поэтому упрямитесь не надо.
Поверь. Сейчас пойдёшь по той дороге,
что скоро приведёт тебя ко мне», –
так прошептала мне моя Душа.

Душа

Сверху смерть умильно смотрит на меня,
как в тисках крутой судьбы страдаю я.
Я кручусь-верчусь, как белка в колесе,
голова болит и кружится моя.

Если вдруг меня три дня не будет здесь,
не пугайтесь, никуда я не исчез.
Мои пятки при движении искрят,
когда надо оказаться в сотне мест.

Если вдруг меня с небес отправят вниз,
я воскресну по команде «Возродись!».
Жизнь моя в водовороте бытия
совершает затянувшийся круиз.

Кочевую жизнь я не остановлю.
Мстит судьба за то, что я на газ давлю.
Не могу понять, то вечер или день,
когда в окнах света отблески ловлю.

Время длится бесконечно для меня.
В мире роскоши нет места для меня.
Горько плачет одинокая душа –
в темноте сплошной, без друга, без огня.

То бессмысленно по кругу я ношусь,
то ленюсь, а то без устали тружусь.
«Забери меня, о Господи, – прошу, –
потому что сам я не остановлюсь!

В жизнь, как все, нагим младенцем я пришёл,
но особого в ней смысла не нашёл.

Ни гроша в заначке нету у меня.
Вот я весь, как на ладони, бос и гол.

Боже, сам ты посмотри на жизнь мою.
Я вложил в молитву жалобу свою.
Если хочешь, забери меня, но вновь
в этот мир не посылай меня, молю!»

Позвоните

Я рвусь из тесной оболочки тела.
Меня сжигает внутренний огонь
и дух мой рвётся ввысь.
Я, как чудак безбашенный, бушую,
рассудок буйный не могу унять.
Как время мчится! Словно кобылица,
летит вперёд, поводья оборвав.
Дневную суету сменяет вечер.
Единый миг – и ночь уже прошла,
не дав усталой голове покоя,
«ни сна, ни отдыха измученной душе»¹.
Нет времени сидеть за достарханом,
поэтому желанья тоже нет.
А прежде говорили старики,
что это не пустяшное занятие:
жизнь замедляет бешеный разбег,
течёт неспешно, как река в долине.
Но я бегу, как будто от врага.

Быть может, я попал в тенёта молний,
сверкающих мгновенно перед взором?
Я обращаюсь к тем, кто мне поможет
осмыслить это светопредставленье.
Прошу вас, отзовитесь! Позвоните!
Мой номер: 0771 121840.

¹ Слова из арии князя Игоря, опера «Князь Игорь» А.П. Бородина.

Сон

Сон – это маленькая смерть.
Я каждый вечер умираю.
Касаясь головой подушки,
я уйду в небытие.
Моя душа, как привиденье,
гуляет там, где нет следов
ни человеческих, ни звериных.
Но вдруг встречаю я людей,
их обнимаю, словно братьев.
По лесу чудному хожу,
язык деревьев мне понятен –
общаюсь с ивами седыми,
я пьян от запаха цветов,
от аромата трав и листьев.
И так не хочется терять
томленье нежное и негу.
Архары дикие в прыжке
рогами достигают неба
и, звёзды яркие собрав,
меня сияньем осыпают.
Порхают бабочки вокруг,
трепещут крыльями, как в танце,
на сцене сказочной поляны,
неспешно на цветы садятся.
От их полёта ветерок
мне остужает лоб горячий.
Такой покой царит кругом!
Нирвана, смысл бытия!
Мой разум буйный бег смиряет.
Лечу, сверкая, как комета,
и мы вдвоём с Луной играем,
качаясь в ласковых лучах.

Луна улыбкою чарует,
как дева сказочной красы.
Душа моя полна покоем,
легка, как белый одуванчик,
как яблоневый лепесток.
Вдруг в эту божью благодать
врывается раскатом грома
звонок будильника. Кошмар
сменяет райские картины.
Я в ужасе, себя не помню,
меж тем и этим измереньем.
Так сердце бухает в груди,
меж рёбер бьётся, будто в клетке.
Мозг возвращается в себя,
раскачивая тяжесть тела,
готовясь к новой муке дня.
Жизнь начинается с нуля...

Эпоха

Мне путь известен мой –
я с совестью в ладу
живу, как предначертано судьбой,
и в этом суть меня как человека.
Не понимаю я,
что значит ваша жизнь –
вы копите весь хлам – блестящие отбросы,
что ценятся такими же, как вы.
Вы можете продать
друг друга и народ,
и землю ту, что завещали предки.
О, Боже, сможешь ты
простить своих рабов?!
Я слышал, что детей
они кладут под нож
и забирают органы живые.
Как хорошо, что твой
им адрес неизвестен.
Узнай они его, тебя бы растерзали
и продали на вес.
А если б не хватило
им доли от продажи,
они перестреляли бы друг друга.
Я вижу – на земле
величие исчезло.
Упоминают всуе имя Бога,
тобой клянутся
в качестве залога.
Сердца их сатана поработил.
Покинул землю ты,
о всемогущий Боже,
ты там сейчас, где надлежит богам.

Молю тебя, спустись,
пошли своё проклятье,
ускорь Армагеддон! Молю тебя, ускорь!
А, может, сил твоих
на землю не хватает
и лишь на небесах ты волен всё решать?
А здесь, внизу, не ты –
другие управляют,
казённая печать – начальство на земле?
Я изнурён, сражён,
и побеждён эпохой.
В продажном мире слов не стоит говорить.
И я навек замолк
и говорить не смею.
Бумага – вот на ней я изолью тоску.
Да здравствуют листы
бумаги разноцветной!
Не вырубишь того, что написал на ней.

Цельность мира

Я этот мир на части не делю,
в нём белое и чёрное едины.
Добро и зло, веселье и печаль –
всё целостно, вовек нераздвоимо.
Ведь солнце светит всем через тюндюк¹ –
и на гостей, и на хозяев в юрте,
а свет с низин стремится к небесам.
Пусть те, кто разделяет этот мир
на белые и чёрные детали,
кто рвётся в рай, о святости мечтая,
и те, которым предназначен ад,
отправятся туда, куда угодно.
Меня их планы вовсе не волнуют,
поскольку мир на части не членю.
Мне суть самой природы интересна
в её неразделяемом единстве –
как падают небесные лучи,
а им навстречу тянутся земные.
Так возникает света естество.

¹ Тюндюк – это центральная часть купола кыргызской юрты, в виде деревянной конструкции, состоящей из обруча, внутри которого поочерёдно скрещивающиеся перекладыны образуют решётку. Имеет сакральный смысл, в силу чего изображён на государственном флаге Кыргызской Республики.

Мы

Взять, нанизать бы на нитку, как бусы, души людские,
кости ушедших сложить бы рядами на нашей земле,
мы бы узнали тогда о судьбе поколений –
как они жили до нас, как сегодня живут.
Нам бы они рассказали об аде и рае
и объяснили бы нам парадокс бытия –
здесь, на земле, осознать мы реально не в силах,
чем же отлична от света могильная тьма.
Если бы мы увидали чертоги надмирные Бога,
ангелов белых жилища, пещеры чертей,
мы бы поверили кадрам живой киноленты.
Люди такие созданы, которые верят
только тому, что физически можно узнать.
Есть обонянье. Важнее всего – осязанье.
Зрение часто подводит. Ведь видим мы сны,
книги читаем – но это ещё не реальность,
вымысел – это внушенье, противное нам.
Но, даже если потрогают люди руками
и убедятся в реальности разных вещей,
то всё равно не признаются в том, что неправы.
Нет, не раскаются, просто рукою махнут
и колею, что привычна, они не покинут,
будут плестись по исхоженным, старым путям.
Нового нет ничего в нашем мире подлунном.
Сколько сменилось эпох, поколений, веков,
сколько апостолов в души людские стучались,
сколько в обычном обличье являлся им Бог, –
не захотели увидеть, слепые созданы,
не пожелали понять Его, сердцем принять.
Как издевались, камнями Его забросали,
и прогоняли Того, кто им жизнь даровал!
Не понимаем в безбожии тёмном и диком –

время придёт и рассудит, кто прав, кто неправ,
кто в чистоте пребывал, кто из грязи не вылез.
Даты конкретного судного дня мы не знаем,
как беспризорники, бродим в бесстыдном грехе.
Ясно одно – мы достойны лишь пламени ада.
Мы же своими руками погибель готовим
нашей прекрасной планете, чьё имя Земля.
Всё мы способны разрушить – её и себя.
Нам дожидаться не следует судного дня.
Боже, не ты нас погубишь – мы сами погибнем!
Ты мне поверь!

Дождь

Низкое небо, за облаками скрытое,
Неутомимо ливни на землю шлёт.
Скоро деревья, дороги, дома умытые
Сбросят пыльную скуку дневных забот.

Прошное видеть сквозь стёкла душа научится:
Там, за окном, стихии весёлой власть.
Словно девчонке, хочется ей на улицу –
В платянице лёгком бежать под дождём, смеясь.

Время ушло, давно та девочка выросла.
В женщине взрослой жива она всё равно.
Юная знать не знает, что взрослая вынесла...
Два отраженья слились через дождь в одно.

Время проходит, но не исчезнут в памяти
Встречи счастливые, боль и горечь утрат.
Втайне от всех остаются навеки с нами те,
С кем были счастливы много дождей назад.

Ливень прошёл, и небо давно не мглистое.
Озеро успокоило волн разбег.
Чистым озоном дыша и печалью чистою,
Ходит по берегу грустный один человек...

¹ Бурулкан Сарыгулова – известная поэтесса, журналист радио «Азаттык», лауреат премии Кыргызстана «Алтын калем» («Золотое перо»).

Зимний путь

Глубокая зима. Чуть видная тропинка
Ведёт меня домой. В аллее тень и синь.
Под белым снегом спят деревья и травинки,
А солнце на ветвях – как спелый апельсин.

... Снега нас берегли. Не ведая печали,
Любили зиму так, что даже и тогда,
Когда крепчал мороз, совсем не замечали,
Что бесится метель, срывая провода.

Как вешняя вода разламывает льдины,
Так юной крови ток бурлил, не знал преград.
Белейшая зима, и я, и ты – едины,
Нас не пугал – ласкал и нежил снегопад.

Сейчас иначе всё – пронзительная стужа
Наотмашь бьёт в лицо, сводя меня с ума,
И через шубу жжёт, и рвёт на клочья душу.
Злорадствует мне вслед жестокая зима.

Судьба была щедра, но рассудила строго:
Её подарков мы не берегли тогда.
Да, к счастью нас вела та зимняя дорога,
Осталась от неё тропинка в никуда.

Бессонница, разлад, тоска мне душу гложет.
Рвануться бы назад, в те сказочные дни.
Но время повернуть никто, увы, не может.
Теперь шепчу себе: с тропинки не сверни.

Свидание

Устав от низостей, повального двуличия
Людей, лишь внешне соблюдающих приличия,
Иду к тебе за утешением, мой друг,
Есть у тебя особый дар – от всех в отличие.

Когда болит душа и настроенье скверное,
И пульс частит, и напряжение нервное,
Я слёзы выплачу в твоё плечо, мой друг,
Я знаю, ты поможешь мне, наверное.

Разочарована, издёргана, измучена,
Держать в себе любые горести приучена,
Иду к тебе, мой бескорыстный друг,
Ведь в жизни я не знаю друга лучшего.

Когда наполнишься ты гневом ужасающим,
Как мрак ночной, суровым, устрашающим,
Нас многое роднит с тобой, мой друг,
Ведь голос мой бывает тоже угрожающим.

К кому лечу я, как на первое свидание,
Излить хочу свои печали и страдания?
Мой Иссык-Куль, мой самый верный друг,
Какая радость – нашей встречи ожидание!

Мой амулет, души моей жемчужина,
Когда волна штормами зимними завьюжена
Ты для меня найдёшь тепло, мой друг,
Когда простужена, проблемами загружена.

Делюсь с тобой не только болью – радостью,
Ты делишься своею тихой святостью.

О жизни мы беседуем, мой друг,
Не украшая речь витиеватостью.

Вдали вода синее, ближе – бирюзовая.
Средь суеты порой не слышу зова я,
Но плеск волны твоей живёт во мне, мой друг,
И в тишине ночной его услышу снова я.

Без тебя

Как живу? Как на свете живу без тебя?
Столько лет я любила других, не любя.
Стать счастливою шанс мне судьба подарила.
Я смеялась над ней, своё счастье губя.

Осознала, да поздно: зови – не зови,
Не вернутся те дни нашей чистой любви.
Сколько раз говорила себе: «Погибаю!»
Боль потери пульсирует в тёмной крови.

Время лечит? Быть может. Но только не всех.
Скрыв тоску, имитирую радостный смех.
Под защитой того, кем сегодня любима,
Всем на зависть живу, не латая прорех

Своей памяти раненой. Только в ночи
Настигает отчаянье, сердце стучит,
Словно поезд ушедший догнать собираясь.
Как прожить эту жизнь без тебя, научи!

Наша улица

И снова дождь – вечерний, проливной.
Он моет улицу: да будет чистота!
Мелькают зонтики, и я бегу домой
На поводке у старого зонта.

Воспоминанья больно бьют в виски.
Тот вечер был дождливый, как сейчас.
Струится терпкий аромат тоски –
Разлуки горькой, разделившей нас.

Какие тайны улица хранит,
Когда душа сливается с дождём,
Летящим на скамейки той гранит,
Где много лет друг друга мы не ждём?

Нам выпали и счастье, и любовь.
Но был обманно светел горизонт.
Разжавши руки, не сомкнули вновь...
Я плачу, или прохудился зонт?

Париж

Сообщаются сосуды улиц, улочек: Париж.
Ты пульсируешь, ночами ты не спишь.
Кровеносная система – это вены синей Сены,
Это сцена от мостов до самых крыш.

Слышишь, город всех влюблённых, город славы мировой
По твоим брожу дорожкам, по мощёной мостовой.
О, Париж! Духи и мода, твой соблазн – Версаль, природа,
Твой Шопен и «Вальс дождя» – навеки твой.

Красотою насладиться, чтобы было, чем гордиться:
Лувр с Джокондою, Дега, Тулуз-Лотрек.
Здесь Пиаф звучит фатально. Расставание печально.
Заберу тебя, Париж, с собой в Бишкек!

Кыргызка

Есть в женщине на родине моей
Достоинство и стать, и ум, и гордость,
И самоуважение, и твёрдость.
Не даст слезам из-за большой обиды
Пролиться, даже не покажет виду.
Отшутится, ничем себя не выдав,
И скроет за улыбкой стон и боль –
Лишь серебром сверкнёт прически смоль.

У женщины на родине моей
Кораллы, платье белое из шёлка.
Блеск чёрных глаз её не скроет чёлка.
А что внутри – безмолвное страданье?
Глобальное души похолоданье?
То веры и надежды увяданье
Лицо не выдаст. Женщина смолчит,
Что сердце с перебоями стучит.

Есть в женщине на родине моей
Огонь, и если вырвется наружу,
Сожжёт её тоску и злую стужу,
И тех, кто рядом, пламя опалит.
Не знавшим, как душа её болит,
Она повиноваться повелит,
Лишь шевельнув изогнутою бровью,
И за обиду отомстит любовью.

Восемнадцатое ноября

Лелеет солнце по утрам наш дом.
Но открываю я глаза с трудом.
Оставить жалко сон,
 где всё, как прежде,
Как в ноябре благословенном том.

Так в молодости славно было жить:
Шалили, веселились во всю прыть.
И у судьбы мы
 попросить забыли,
Чтоб до последних дней нам вместе быть.

Люблю ли я тебя, ты всё пытал.
Мечтал умножить счастья капитал.
А я не знала,
 плакать ли, смеяться
В том доме, что моим в ту осень стал.

Теперь всё то же – только без тебя.
То улыбаюсь, то живу, скорбя.
И солнце мне
 не согревает душу,
Как тем прекрасным утром ноября.

Когда совсем сроднились мы с тобой,
С Луной согласовали чувств прибор,
Когда ценить
 друг друга научились,
Ты дверь закрыл навеки за собой.

Я расскажу тебе когда-нибудь,
Как продолжала я наш общий путь.

Была я счастьем,
ты – моей защитой,
Но этих дней одной мне не вернуть.

Да, говорят, что время – лучший врач.
Но так хочу в минуты неудач,
Чтобы рука родная
пожалела,
Отёрла слёзы: «Алтыным¹, не плачь!».

¹ Алтыным (кырг.) – золотая.

Невестка

Детство. Волшебных мечтаний страна
Ярких, немеркнущих красок полна.
Горы луна серебром заливала,
В звёздных чертогах царила одна.

Зимы суровы, зато по весне
Небо купалось в голубизне.
И соловьи меня пеньем будили,
Юные силы бурлили во мне.

Девочки с вёдрами шли за водой
Под наблюденьем снохи молодой,
Так хохотали, что псов разбудили,
Но аксакал не сердился седой.

Бликами солнца играла река.
Крылась улыбка в усах старика.
Ночью нам в прятки играть разрешали –
Снохи всё видели наверняка.

Брат мой женился на милой Айке.
Просто украл и привёз налегке.
И не успела она оглянуться,
как оказалась невесткой в платке¹.

Быстро прошли молодые года,
Как между пальцев уходит вода.
Часто я, дом вспоминая, тоскую,
что потеряла Айке навсегда.

¹ По кыргызскому обычаю, когда в дом приводят невесту, мать жениха надевает на неё платок.

Резвой, весёлой была, как дитя,
В доме работала споро, шутя.
Как-то увидела, что она плачет,
Всё осознала лишь время спустя.

Слёзы пытаюсь внезапные скрыть,
Мне запретила о них говорить.
В нашем аиле к ней все привязались,
Ей же пришлось, как на каторге, жить.

В чём виновата невестка была?
В том, что украдена юной была?
Долго тоску за весельем скрывала:
Мужа терпела – любить не могла.

Как-то проснулись – нигде её нет.
Все встрепенулись: сбежала чуть свет.
Все осуждали, и я осуждала,
А поняла по прошествии лет.

Чистой душе её было невмочь
Ждать, как насилия, каждую ночь.
Лишь полюбив, я с Айке согласилась:
Надо бежать от немилого прочь.

Мучили совесть, досада и стыд –
Как же я смела Айке осудить!
Злые глаза моей новой невестки
Взглядом могли кипяток остудить.

Как ты живёшь, дорогая Айке?
Где ты сегодня – вблизи, вдалеке?
Как я хочу, чтоб любовь обрела ты,
Чтобы сверкало кольцо на руке.

Письма солдата

*Моему дяде
Токтогулу Сарыгулову*

Два дня на Запад эшелон идёт.
Наутро бой с фашистами нас ждёт.
Прощай, любимая, писать я буду часто.
Мы свидимся, я верю: повезёт!

Ночами вижу я тебя во сне.
И там мы вместе. Я не на войне.
Тяжёлая тоска одолевает,
Так беспокойно, дорогая, мне.

Пишу опять. Суровый бой затих.
Науку бить врага я здесь постиг.
И старики, и дети ждут победы,
А мы сломали Гитлеру блицкриг.

Родители немолоды уже.
Они на предпоследнем рубеже.
Их береги, терпи и верь. Не бойся.
Победы день предчувствую в душе.

Надейся, долгожданною весной
Или в осенней дождик проливной
Мы встретимся. Будь сильной. Не сдавайся!
Твоя любовь, как талисман, со мной.

Прости, что не писал. Я ранен был.
Не думай ты, что о тебе забыл.
Хирург мне подарил на жизнь надежду.
Кто безнадежен – тех увозят в тыл.

Отцу и маме ты не говори,
О том, что пуля у меня внутри.
Держись, родная, не горюй и помни,
ещё увидим вместе свет зари!

Я вспоминаю Иссык-Куль и Ош,
долину Чуйскую – кымбаттуу окшош¹,
Пишу туда родным, в ответ молчанье.
Ответь, что с ними, сердце не тревожь.

На все вопросы дай ответ прямой:
Вернулся кто-нибудь с войны домой?
На многих получили похоронку?
Как трудно вам приходится зимой?

Сегодня снова почта не пришла.
Извёлся я. Печальные дела.
Бой предстоит, и я пойду со всеми,
Хоть рана на ноге не зажила.

Даст Бог, война закончится весной.
Вернусь к тебе хоть в ранах, но живой.
Пока писать не надо, дорогая:
Нет адреса у почты полевой.

¹ Кымбаттуу окшош (*кырг.*) – одинаково любимые, дорогие.

Эпилог

Взвилось победы знамя через год.
Она ждала напрасно у ворот:
Надеялась, что он вот-вот вернётся,
И женихам давала отворот.

Погиб солдат в приеманских лесах.
Душа его давно на небесах.
А имя в списках на гранитной стеле
Вдова читала много лет в слезах...

Майе Плисецкой
(Авторизованный перевод)

Она кружит над грешною землёй,
Едва касаясь театральной сцены...
«Большой» был для неё такой семьёй,
Где столько сил, любви и вдохновенья,
Интриг, работы, боли и терпенья
Ей довелось узнать. Какую цену
Пришлось платить – ей ведомо одной.
И рукоплещет зал, не пряча слёз,
Во власти танца этой Феи грёз,
Когда она, сложив бессильно руки,
Как Лебедь, не дыша, в последней муке
Жизнь оставляет каждый раз всерьёз.
Овации!
Зал выдыхает: «Бис!!!»,
Перед талантом в сотый раз робея.
А эта обольстительная Фея
С поклоном опускает очи вниз.

А если бы жила во время оно,
То стала бы любовью Эхнатона,
И, Нефертити запросто затмив,
Вошла своей красою в древний миф,
Диктуя волю мужу-фараону.

К ней не был ласков наш жестокий век,
Когда один всесильный человек,
Бестрепетно ломал людские жизни.
Была сердитой мачехой отчизна,
Забрав навек отца, надолго – мать.
Но нрав её никто не смог сломать!

Да, гордый нрав помог преодолеть
Все беды. Дочь «врагов народа» вскоре
Смогла, как пух из уст Эола, ввысь взлететь
И станцевать всю боль свою и горе –
И победить! Счастливой стать посметь!

Любила жизнь. «Большому» отдала
Великого таланта страсть и силу.
Почти полвека прямою была,
И публика её превозносила –
Весь мир лежал у этих стройных ног.
Зал справиться с восторгами не мог,
Когда ему прекрасная Плисецкая –
Кармен, испанка гордая, несветская –
Дарила страсти огненный цветок!

Автопортрет с летальным исходом

*Не обособливайся, а приспособливайся.
Не ерепенься, а остепенься.
Так школа жизни мой нрав чинила
и окунала лицом в чернила.
Но ученица-то никакая –
я не сникаю, а возникаю.
Держусь, как шпала, с прямой спиною.
Совсем устала. Порою ною.
Да переделаться невозможно,
чтоб жить не сложно, а осторожно,
чтоб все на свете меня любили
и не забыли, и не прибили.*

*Не приспособилась, а обособилась,
остепениться же не сподобилась.
И каждый божий день ерепеньюсь,
смеюсь и плачу, от гнева пенюсь.
Плевать на возраст! Опять стартую.
Мне на могилке поставьте тую.
А лучше ёлку, как я, колючую.
Стихи – на полку. Не все, но лучшие.*

***Несколько слов людям,
которым я обязана
появлением этой книги.***

Дорогой Владимир Иванович, уважаемый академик и ректор!

Очень благодарна Вам, учёному-физику, доктору наук, человеку, почти 30 лет бесменно стоящему у руля флагмана отечественного высшего образования.

Если бы не ваша добрая воля, не видать бы мне этого сборника стихов, которые писались время от времени в разные периоды жизни.

Актуальный в годы нашей молодости спор физиков и лириков вы разрешили в мою пользу, за что от всей души спасибо!

Удачи Вам, научной активности, бодрости духа!

Дорогой Анэс Гургенович, давний друг, талантливый учёный, уникальный организатор учебного и научного процесса как минимум в двух вузах республики: Кыргызском государственном институте физкультуры (ныне академии), где ты около 15 лет являлся проректором по научной работе, а я под твоим началом заведовала научным отделом, и в Кыргызско-Российском Славянском университете, в качестве декана медицинского факультета, выпустившего уже несколько тысяч врачей-лечебников, педиатров, стоматологов для Кыргызстана, России и ряда зарубежных стран.

Несколько лет ты убеждал меня подготовить книгу стихов. А я, наученная долгим опытом журналистики и трудно писавшейся первой и единственной своей политической книги «В поисках истины, или Мифология власти», отнекивалась: нет сил, финансовой возможности, и вообще кому они нужны, мои стихи?.. Стыдно ведь в такие лета вдруг взять и напечатать всё, что порой писалось с юности до нынешних дней.

Про любовь, опять же... «Кака така любовь?!», – возмущённо воскликнула Надя, обожаемая в народе героиня фильма «Любовь и голуби». Вот и мне неловко было. Но ты убедил, добавил, заставил собрать забытые в архивах и по разным аккаунтам бродящие стихи.

Ты сам – автор прекрасных лирических и философских стихов и песен, которые я всю жизнь люблю. Бард, широко известный в нашей стране, в России, в республиках Содружества и дальнего зарубежья. И я послушалась, не имея представления о том, как делаются книги стихов, с какого боку браться. Страшно представить, сколько времени ты отдал составлению этого сборника, как тщательно вычитывал строки, предлагал варианты правки, давал профессиональные советы. В общем, педантично, как всегда, возился, словно с родными, с моими несовершенными созданиями. С твоим опытом издания собственных поэтических книг и многотомной исторической летописи в рифмах ты ещё раз показал мне высокий класс работы.

Когда сказала по телефону, что очень благодарна тебе и что я твоя должница, но не знаю, как отдать такой долг, ты ответил: «Стихами, Рина...».

И ещё одному человеку большое спасибо – Танечке Булгаковой, компьютерному специалисту. За терпение, за часы, потраченные на незнакомого человека, и за то, что мои стихи ей понравились.

Рина Приживойт

СОДЕРЖАНИЕ

НАВЕРНО, ЭТО СОН	3
«Начало сентября. Осенний день...»	7
«Ветер небо продраил песком и солёной водою...»	8
«Сошла с ума Ассоль – чему поверила!...»	9
«Зима. Январь...»	10
«Для другой стихи писал ты...»	11
«Той, первую из нелюбимых жён...»	12
«Ты знала, что несёт с собой...»	13
«Как демоны ночные, на ветвях...»	14
«Уходит тепло...»	15
«Подхожу к сентябрю, как к реке...»	16
«Самолётик, ворча и картавя...»	17
«Чужое всё – и улицы, и лица...»	18
«На лицах всех, как тяжкий грех...»	19
«Ну когда же, когда этот снег...»	20
«Что за блажь – после Крайнего Севера...»	21
«Мой друг в степи костёр разжёл...»	23
«Я не умела быть счастливой...»	24
«Предчувствовать осень в июле...»	25
«Сверчок вышивает...»	26
«За шуточку: “А я тебя люблю!”...»	27
«Браконьерствую я в незнакомом лесу...»	28
«Не судьба...»	29
«Боже, как мы похожи с ним...»	30
«Наши жизни сошлись по касательной...»	31
«Тревожная женщина с нежным лицом...»	32
«Нелюбимого не удерживала...»	33
«Как праздник, я буду помнить это лето...»	34
«Он тихо, отрешённо говорит...»	35

«Там скрипочку старик терзал...».....	36
«Какие мужчины глядели в глаза!...»	37
«Орда не достигла далёкой земли...».....	38
«Я тебя коплю, как скупой копит пятаки...»	39
«Вот такую – уставшую и одичалую...»	40
«Глаза цыганские, слова шаманские...»	41
«Он из руин меня извлёк, мой ясноглазый археолог...».....	42
«Книги мы читали одни и те же...»	43
«Эта сердца маета...».....	44
«Боюсь любви нашествия...».....	45
«Сгинут время, расстоянье...».....	46
«Непонятные мы с тобой...»	47
«Дверь затвори. Я не вернусь...».....	48
«Гордыня опять загнала...»	49
«Чем жить? Впереди стена да пустырь...».....	50
«Две сигареты, горящих во тьме...».....	51
«Мне нежность некуда девать...»	52
«Так долго поезда ожидала...».....	53
«Днём полегче, а к ночи крепчает беда...».....	54
«Мы сжигаем себя дотла...»	55
<i>ВЕНСКИЙ ЗАМКНУТЫЙ КРУГ</i>	57
«Как только наступает ночь...»	59
«О, Господи, прости за то, что торопила...».....	60
«Оба мы – одинокие волки...».....	61
«Веер мне подарили. Испанский веер...»	62
«Так Янис возлюбил Гомера...».....	63
«Мама любила глобальный мир – в целом свете...».....	64
«Маленькая старшая сестра...»	66
«Роза вела меня к маме в редакцию...».....	67
«Дочка и внук. Александра и Дмитрий...»	68
«Молитвой отводя беду...».....	70
«Стоит в саду холодный утренник...»	71
Старый дом.....	72
«Есть женщина, зовут её Елена...».....	76

«Я вся такая быстрая, мобильная и злая...»	77
«Лицо моё беспородное...»	78
«Вот охота мне...»	79
«Моноплан Ориона парит в небесах невесомо...»	80
«Это Вена. Мой временный рай...»	81
МОЯ СТИХИЯ	83
ЖИВОЕ	85
«Осенней ярмарки цветастый балаган...»	85
«Гора сплошной комок...»	86
«Ночь бесконечна без сна, тянется, словно год...»	87
«Посмотрела хаски разными глазами...»	88
«Болеет мой пёс. У него бронхит...»	90
«Были в жизни потери гораздо страшнее, чем эта...»	91
«В день морозный снегопада вешнего...»	92
«и уже на рассвете, когда совсем устают...»	93
«Сады февральские к небу ближе...»	94
«И снова снег. Зима не кончится...»	95
«Это бывает – снега в апреле нисходят...»	96
«Куст расцвёл за окном моим...»	97
«Листва скрывает суть ствола...»	98
«Пахло прелью и апрелью...»	99
«На пригорках травы расстелены, как ковры...»	100
«Характер вредный спас от пустословья...»	101
«Я живу в глуши, создаю уют...»	102
Прощай, год Крысы, уходи скорее, а то я что-то от тебя зверею	103
«Лютное лето...»	105
«Так печёт, что течёт меж лопаток ручей...»	106
«Вчера испытала культурный шок...»	107
«Клён ли, тополь при встрече молю: – Живите!...»	109
«Пойти в малинник. Тёмных ягод гроздь...»	110
МЕСТА СИЛЫ	111
«Детства счастливого бедные игры...»	111
Тюп	113

Рыбачье	115
«Чёрен ликом “английский шпион”...»	116
«Я в списке кораблей искать не стану сходства...»	117
«Мне семь лет. Каждый вечер иду проявлять героизм...»	118
«Мне снилось озеро...»	119
«Я больше на улице уже никогда так не пела...»	120
«Пятые сутки живу между Крымом и Питером...»	121
«“Всё будет хорошо. Всё кончится печально.”...»	122
«Когда на десять тысяч метров ты оторвёшься от планеты...»	123
«Всю жизнь я люблю горы...»	124
«Были Чехия, Вена и Венгрия...»	125
«А на улице пахнет зимой...»	126
«Неужели Питер не увижу...»	127
«Мне надо к Эль Греко в Толедо...»	128
«Белое, Красное, Чёрное, Жёлтое – это моря...»	129
Гимн дому моему	130
«Оглянулась – а жизнь-то длинная...»	132
ВЕРЮЮ	134
«Евангелие от Иоанна: в начале, мол, было Слово...»	134
«Господи, ведь Ты же еси?...»	135
«Он на кресте терпит адские муки...»	136
«Божьего сына в страдания вверх...»	137
«Поплыла бы я отседова...»	138
«Вот я сейчас картинку нарисую...»	140
ИГРА В СЛОВА	141
«У меня внутри стихи...»	141
«Так странно голос обрести...»	142
«“Как... ну вот как приходят стихи?” – спросила Жанна...»	143
«кисточку в правой руке держу...»	144
«Потеряла нынче страхи я...»	145
«Боюсь белизны листа, холста...»	146
«Оказывается, можно...»	147

SUUM CUIQUE.....	148
«Распишем пулю мы – да, Компьютер?..»	148
«Жизнь – кладовая, полная сюжетов...»	149
«Была у нас Тамара Погорелова...»	150
«“Ты сильная ” – время мне говорит...»	151
«со мной однажды было чудо...»	152
«Пошла гулять. Гляжу, мужик...»	154
«Жалею подкаблучников...»	155
«Настало время труда и подвига...».....	156
«Стоит и ждёт: сейчас будет свет...».....	157
«Не будем кваситься...»	158
БЫЛА ЛЮБОВЬ	159
«Мудрец сказал: “Прощаться нельзя...».....	159
«а давай это будет море...»	160
«Неужто снова люблю... Молчу. Не знаю...»	161
«Я сама себя виню...»	162
«Суров и сумрачен мой мужчина...».....	163
«Жёсткий профиль легионера...»	164
«и не любит, и не скучает...».....	165
«Говорю: “Не ревнуй!” и ревную сама...».....	166
НА ИЗЛЁТЕ	167
«Мне снился сегодня один человек...».....	167
«Маленькая мне в плечо мурлычет...»	168
«Жизнь мелькнула, как скорый поезд...».....	169
«Птицы запели в саду...»	170
«Как будто, всё идёт, как надо...»	171
«Люстра моя винтажная...».....	172
«У меня без конца пропадают носки...»	173
«Время сломалось. Недели – со свистом...».....	174
«Быстро жила – ждать не могла...»	175
«Если ночами орут коты...»	176
«В доме рушится всё подряд...».....	177
«Какие мы старики отчаянные...».....	179
«Опять выламывает суставы...»	180

«порой зажмёт отчаянье в жестокие тиски...»	181
«стерва старость припёрлась на лапах хромых...»	182
«Лучше болеть, когда нет вокруг...»	183
«Уходишь, как ночью поезд, в глухую темень...»	184
«Стала долго не спать ночами...»	185
ВВИДУ КОВИДА	186
«Назад не хочется в СССР...»	186
«Соседки попёрлись с торбами...»	187
«Пришла беда...»	188
«Надо сегодня раньше сходить за солью и хлебом...»	190
«Отмечаю nonпарелью...»	191
ЮБИЛЕЙНЫЕ и не только	192
«Боль скрутила, жёстко взяла в тиски...»	192
«я люблю восхищаться людьми чьи таланты...»	194
«Ранняя осень. То свет, то тучи...»	195
«Годы твои и знакомые даты тасую...»	197
«Не бывала в Афинах, и точно уже не буду...»	199
«королева детали, госпожа потаённого смысла...»	201
«Вот что сделала со мной...»	202
«он стоит один у черты...»	203
«Ты ушёл. Остались дети, книги...»	203
«Тихо тает, худеет, уходит Валера Денисов...»	204
«Как ты живёшь в тихом аду...»	205
«То ли пьянство от тоски...»	206
«Благовещение. Прощание...»	207
МОИМ РОВЕСНИКАМ	208
«Память юности, давних дней...»	208
Как мы сплавлялись по тихой таёжной речке на плоту морской авиации	210
Друзьям живым и ушедшим	213
ПЕРЕВОДЫ С КЫРГЫЗСКОГО	216
«Перевести на родной язык с чужого наречья...»	216
Нурлан КАЛЫБЕКОВ	217
Монастырь	217

Хозяин	220
«Я виноват, быть может... Вы простите...».....	222
Благодарение.....	223
В Ала-Арче.....	224
«Цену смерти лишь тот, кто стоял на краю, познал...».....	228
Автопортрет.....	229
Плач	231
Внушение.....	232
Душа	233
Позвоните	235
Сон	236
Эпоха.....	238
Цельность мира	240
Мы.....	241
Бурулкан САРЫГУЛОВА	243
Дождь.....	243
Зимний путь.....	244
Свидание.....	245
Без тебя.....	247
Наша улица.....	248
Париж.....	249
Кыргызка	250
Восемнадцатое ноября.....	251
Невестка.....	253
Письма солдата.....	255
Майе Плисецкой (Авторизованный перевод)	258
Автопортрет с летальным исходом.....	260
Несколько слов людям, которым я обязана с появлением этой книги	261

Рина Негматовна Приживойт

ДОЖДЁМ НЕУЗНАННЫМ ПРОЛИТЬСЯ...

Стихи и песни

Литературный редактор и составитель *А. Зарифьян*
Компьютерный набор *Т. Булгаковой*
Компьютерная вёрстка *А.Ш. Мельниковой*

Подписано в печать 28.03.2022.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Объем 17,0 п. л. Тираж 150 экз. Заказ 12.

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 2а